

ИМПЕРАТОРЪ ПОРТУГАЛЬСКІЙ.¹⁾

Вермландская повѣсть Сельмы Лагерлефъ.

Съ шведскаго.

З в ѣ з д ы.

Прошло уже восемь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Клара-Гулла.

Однажды Янъ стоялъ въ ригѣ въ Фалла и молотилъ. Вдругъ туда вошла Столль-Ингеборгъ.

Столль-Ингеборгъ была племянницей Яна, но она рѣдко заходила къ нему, потому что боялась Катринны. Вотъ потому-то она и пришла къ нему въ Фалла во время работы.

Янъ не очень-то обрадовался ей. Правда, ее нельзя было назвать совсѣмъ сумасшедшей, но она во всякомъ случаѣ была не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и болтала она безъ толку о всякой всячинѣ. Янъ продолжалъ стучать цѣпомъ, какъ и раньше, не обращая на нее вниманія.

— Подожди немного работать, Янъ,—сказала дѣвушка,—мнѣ хочется рассказать тебѣ, какой сонъ я сегодня видѣла про тебя.

— Приди-ка лучше въ другой разъ, Ингеборгъ,—отвѣтилъ Янъ.—Какъ только Ларсъ Гуннарсонъ услышитъ, что я пересталъ молотить, онъ придетъ сюда.

— Я расскажу очень скоро, очень скоро,—сказала Ингеборгъ.—Вѣдь ты знаешь, что я всегда быстрѣе всѣхъ все дѣлала дома. Впрочемъ, мои сестры и братья вообще никуда не годились, такъ что хвастаться тутъ нечѣмъ.

— Да вѣдь ты хотѣла говорить о какомъ-то снѣ,—напомнилъ ей Янъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! Не бойся, не бойся... я все понимаю,

---

¹⁾ Продолженіе. См. Русская Мысль 1915 г., кн. I и II.

все понимаю... Строгий хозяинъ теперь въ Фалла, очень строгій. Но ты не бойся за меня. Изъ-за меня тебѣ не достанется... Бояться нечего, когда имѣешь дѣло съ такимъ умнымъ человекомъ, какъ я.

Въ глубинѣ души Яну очень хотѣлось услышать, какой сонъ она видѣла о немъ. Хотя онъ былъ увѣренъ въ своихъ ожиданіяхъ, но ему всетаки было бы пріятно услышать подтвержденіе своихъ надеждъ. Но съ Ингеборгъ ничего незья было подѣлать, ея мысли приняли уже другое направленіе.

Она подошла къ Яну вплотную, наклонилась впередъ, зажмурилась глаза и заговорила такъ быстро, что слова точно вылетали изъ ея рта.

— Тебѣ нечего болтаться,—сказала она.—Неужели ты думаешь, что я рѣшилась бы прійти сюда во время работы, если бы не знала, что хозяинъ ушелъ въ лѣсъ, а хозяйка уѣхала въ село продавать масло? Не такая я дура, чтобы приходить сюда, когда они могутъ видѣть меня.

— Отойди, Ингеборгъ,—сказалъ Янъ въ нетерпѣніи.—А то я могу ударить тебя цѣпомъ.

— А ты вспомни, какъ вы били меня когда-то, когда были мальчиками,—сказала Ингеборгъ.—Да меня бьютъ еще и теперь каждый день. А вотъ на экзаменѣ у священника я отличилась. „Ингеборгъ не собьешь съ толку,—сказалъ священникъ.—Она твердо знаетъ все...“ И я въ такой дружбѣ съ барышнями изъ Лѣвдала. Я говорю имъ наизусть весь катехизисъ, вопросы и отвѣты съ начала до конца. Вотъ какая у меня память! Я знаю наизусть всю біблію и молитвенникъ также и всѣ проповѣди прѣста. Хочешь, я тебѣ скажу ихъ... или лучше мнѣ спѣть тебѣ что-нибудь?

Янъ ничего не отвѣтилъ ей. Онъ снова принялся за молотьбу.

Однако Ингеборгъ не уходила. Она усѣлась на снопъ соломы и пропѣла псаломъ въ двадцать стиховъ, а потомъ сказала наизусть двѣ главы изъ бібліи. Послѣ этого она, наконецъ, ушла, не попрощавшись даже, и пропадала довольно долго. Но черезъ нѣсколько времени она снова появилась въ дверяхъ риги.

— Тише, тише,—сказала она.—Теперь мы будемъ говорить о самомъ необходимомъ. Только тише, тише.

Она подняла кверху указательный палецъ и застыла въ этой позѣ, поднявъ глаза вверхъ.

— Никакихъ другихъ мыслей, никакихъ другихъ мыслей,—бормотала она.—Будемъ говорить только о самомъ необходимомъ... да перестань же молотить.

Она подождала, пока Янъ не пересталь молотить.

— Сегодня я видѣла во снѣ, что ты пришелъ ко мнѣ... да, такъ это было. Ты пришелъ ко мнѣ, а я сказала тебѣ: Ты прогуливаешься, Янъ? Ты изъ Аскедаларна? Нѣтъ, отвѣтилъ ты, я живу теперь не въ Аскедаларна, а въ долинѣ Тоски. Вотъ какъ, сказала я, такъ добро пожаловать. Тамъ и я прожила всю свою жизнь!

Едва Ингеборгъ проговорила это, какъ исчезла.

Ея слова очень удивили Яна. Нѣкоторое время онъ не принимался за работу и раздумываль о нихъ.

Немного погодя Ингеборгъ опять появилась.

— Теперь я, наконецъ, вспомнила, зачѣмъ я приходила сюда въ первый разъ,—сказала она.—Я хотѣла показать тебѣ мои звѣзды.

На рукѣ у нея была небольшая корзинка, обвязанная тряпкой. Пока она развязывала тряпку, она болтала безъ умолку.

— Это настоящія звѣзды. Когда живешь въ долинѣ Тоски, тогда мало всего земного, приходится искать звѣздъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Придется и тебѣ искать ихъ.

— Ну нѣтъ, Ингеборгъ,—возразилъ Янъ,—я буду лучше придерживаться земного.

— Тише!—прошептала Ингеборгъ.—Неужели же ты думаешь, что я такая дура, что буду искать звѣздъ на небѣ? Нѣтъ, я собираю только тѣ звѣзды, которыя упали съ неба. Я человѣкъ разсудительный.

Она сняла тряпку съ корзинки, и Янъ увидаль, что корзинка была полна звѣздъ, которыя она выпросила въ господскихъ усадьбахъ. Это были звѣзды изъ оловянной бумаги, изъ стекла, изъ жести, всякія украшенія съ елокъ и съ конфетъ.

— Это настоящія звѣзды,—сказала она.—Онѣ упали съ неба. Я показала ихъ только тебѣ, и я даже подарю тебѣ штуки двѣ, если онѣ тебѣ нужны.

— Спасибо, Ингеборгъ!—сказаль Янъ.—Когда мнѣ понадобятся звѣзды, а этого не придется долго ждать, то у тебя я ихъ не буду просить.

Наконецъ - то она ушла, но Янъ еще не скоро привылся за работу.

Это былъ перстъ Божій! Да, какъ и многое другое? Конечно, такая слабоумная, какъ Ингеборгъ, не знала ничего о Кларѣ, но у нея было какое-то чутье, и она предугадывала заранѣе, когда должно было случиться что-нибудь необычайное. Она видѣла и слышала многое такое, о чѣмъ у умныхъ людей не было никакого представленія.

О ж и д а н и е.

Инженеръ Бореусъ, жившій въ великолѣпной усадьбѣ Боргъ, почти каждое утро ходилъ на пристань къ встрѣчѣ парохода. Это никого не удивляло, потому что это была хорошая прогулка, онъ проходилъ по прекрасному парку, и до пристани было недалеко, а кромѣ того, съ пароходомъ часто прѣзжали люди, съ которыми онъ могъ обмѣняться нѣсколькими словами, а это хоть сколько-нибудь нарушало однообразную жизнь въ деревнѣ.

Какъ разъ тамъ, гдѣ кончался паркъ, начинался крутой спускъ къ пристани, и надъ спускомъ изъ-подъ земли торчало нѣсколько большихъ каменныхъ плитъ. На этихъ плитахъ очень часто сидѣли и отдыхали люди, явившіеся издалека къ прибытію парохода. Ожидающихъ всегда было очень много на пристани въ Боргѣ, такъ какъ тамъ никогда не знали въ точности, когда именно долженъ зайти пароходъ. Раньше двѣнадцати часовъ онъ приходилъ рѣдко, но всетаки изрѣдка случалось, что онъ приходилъ также и въ одиннадцать. А иногда онъ настолько запаздывалъ, что приходилъ въ часъ или въ два. Потому-то люди предусмотрительные, являвшіеся на пристань къ десяти часамъ, проводили иногда тамъ все утро.

Изъ господскаго дома въ Боргѣ открывался прекрасный видъ на озеро Левенъ, и инженеръ Бореусъ могъ видѣть пароходъ, когда онъ выходилъ изъ-за мыса. А потому инженеръ всегда приходилъ на пристань къ самому приходу парохода. Проходя мимо каменныхъ плитъ, на которыхъ сидѣли встрѣчавшіе пароходъ, онъ не останавливался и только бросалъ мимоходомъ взглядъ на ожидавшихъ.

Но это лѣто онъ не могъ не обратить вниманія на одного маленькаго старичка съ кроткимъ и ласковымъ лицомъ, такъ какъ этотъ старичокъ сидѣлъ на плитахъ изо дня въ день. Онъ сидѣлъ неподвижно и былъ совершенно равнодушенъ, пока не появлялся пароходъ. Тогда онъ бросался къ пристани, и лицо его сіяло отъ счастья. Онъ выходилъ на самый край пристани, точно былъ увѣренъ въ томъ, что сейчасъ прѣдетъ тотъ, кого онъ пришелъ встрѣчать. Но ему никогда не приходилось никого встрѣтить. Когда отчаливалъ пароходъ, онъ стоялъ на пристани въ полномъ одиночествѣ, какъ и раньше.

Онъ направлялся домой съ потухшимъ взоромъ и тогда производилъ впечатлѣніе дряхлаго и истомленнаго человѣка. Иногда казалось даже, что у него нехватитъ силъ взобраться на кручу.

Инженеръ Бореусъ не зналъ этого старика, но въ одинъ пре-

красный, солнечный день, когда онъ снова увидалъ его на каменныхъ плитахъ въ ожиданіи парохода, онъ заговорилъ съ нимъ. Онъ узналъ, что старикъ ждетъ дочь, которая непременно должна сегодня пріѣхать.

— А почему вы знаете, что она пріѣдетъ именно сегодня?—спросилъ инженеръ.—Я видѣлъ, что вы ждете здѣсь уже цѣлыхъ два мѣсяца. Она, вѣроятно, сообщила вамъ невѣрно о днѣ своего пріѣзда?

— Нѣтъ, это не такъ,—отвѣтилъ старикъ очень кротко,—она вовсе не извѣстила меня.

— Господи Боже ты мой!—воскликнулъ инженеръ, отличавшійся вспыльчивымъ нравомъ,—чего же вы хотите? Вы каждый день сидите здѣсь и ожидаете, а оказывается, что ваша дочь даже не извѣстила васъ о своемъ пріѣздѣ!

— Да,—отвѣтилъ старикъ, поднимая на инженера свои кроткіе, ясные глаза,—она не извѣстила меня. Она не могла сдѣлать этого.

— Такъ вы не получали письма?—спросилъ инженеръ.

— Нѣтъ, послѣднее письмо было отъ нея перваго октября.

— Такъ зачѣмъ же вы приходите на пристань?—удивился инженеръ.—Вы проводите здѣсь по полдня и ничего не дѣлаете. Развѣ вы можете бросать работу?

— Конечно, это нехорошо съ моей стороны,—отвѣтилъ старикъ, улыбаясь какъ бы самому себѣ,—но все это уладится.

— Да какъ же можно сидѣть и ждать, не зная чего?—воскликнулъ съ досадою инженеръ Бореусъ.—Васъ просто надо посадить въ сумасшедшій домъ!

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ, обхвативъ колѣни руками, съ самымъ невозмутимымъ видомъ. На лицѣ его играла счастливая улыбка, и она становилась все увѣреннѣе съ каждой минутой.

Инженеръ пожалъ плечами и отошелъ отъ него. Но, спустясь до половины пригорка, онъ раскаялся въ своей горячности и вернулся обратно. На его лицѣ появилось доброе выраженіе, онъ протянулъ старику руку и сказалъ:

— Мнѣ только хотѣлось пожать вамъ руку. До сихъ поръ я думалъ, что одинъ въ этихъ краяхъ умѣю тосковать по-настоящему, теперь я вижу, что вы превзошли меня въ этомъ.

Императрица.

Попелъ уже второй годъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Клара, а Янъ ни единымъ словомъ не проговорился о томъ, какая ве-

ликая переменѣна совершилась въ ея жизни. Онъ твердо рѣшилъ молчать, пока она сама не возвратится. Если Клара-Гулла не догадывалась, что онъ знаетъ о ея тайнѣ, то для нея будетъ еще пріятнѣе поразить его всѣмъ своимъ великолѣпіемъ.

Однако на свѣтѣ случается гораздо больше такого, чего не ожидаешь. И вотъ случилось такъ, что въ одинъ прекрасный день Яну пришлось нарушить молчаніе и заговорить. Конечно, сдѣлать онъ это не ради себя самого, нѣтъ, онъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы ходить въ своемъ поношенномъ платьѣ и чтобы люди считали его бѣднымъ торпаромъ до поры, до времени. Но ради дѣвочки онъ принужденъ былъ открыть великую тайну.

Въ началѣ августа онъ, по обыкновенію, пришелъ на пристань встрѣчать пароходъ. Онъ уже не могъ больше отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, а кромѣ того, онъ хорошо зналъ, что и Клара-Гулла не имѣетъ ничего противъ того, чтобы онъ выходилъ къ ней навстрѣчу.

Пароходъ только что причалилъ, и онъ убѣдился въ томъ, что Клара-Гулла не пріѣхала. Онъ былъ очень разочарованъ, такъ какъ сегодня былъ увѣренъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, что она уже покончила наконецъ со всѣми своими дѣлами и пріѣдетъ домой. Но, повидимому, у нея явились новыя препятствія, какъ это и было все лѣто. Да, должно быть, трудно было ей покончить со всѣми дѣлами, вѣдь чего у нея только не было!

А всетаки Яну было очень жалко, что она не пріѣхала именно сегодня, такъ какъ на пристани собралось очень много ея знакомыхъ. Тутъ былъ и депутатъ Карлъ Карльсонъ изъ Стурвика, и Августъ Дэръ-Ноль изъ Престерюда и зять Бѣрна Хиндриксона, и даже старый Агриппа Престбергъ. Надо сказать, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Клара такъ хитро выпроводила изъ Скрулюкка Агриппу, онъ питалъ къ ней маленькую слабость. Янъ находилъ, что было бы особенно пріятно, если бы Клара-Гулла именно въ этотъ день появилась на пароходѣ во всемъ своемъ великолѣпіи, чтобы Престбергъ увидалъ ее.

Но разъ она не пріѣхала, то Яну оставалось только повернуть и идти домой. Онъ хотѣлъ уже уйти съ пристани, какъ старый, злой Греппа загородилъ ему дорогу.

— Вотъ какъ,—сказалъ Греппа,—ты бѣгаешь сюда каждый день встрѣчать дочку?

Съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Греппа, лучше всего было не разговаривать, а потому Янъ свернулъ съ дороги и хотѣлъ пройти мимо него.

— Да, меня ничуть не удивляетъ, что тебѣ хочется встрѣтить такую важную даму, какой она стала теперь,—продолжалъ Грешпа. Тутъ подошелъ Августъ Дэръ-Ноль и схватилъ Грешпу за руку, чтобы заставить его замолчать.

Однако Грешпа не послушался.

— Весь приходъ знаетъ это,—крикнулъ онъ.—Пора и родителямъ узнать, въ чемъ дѣло. Янъ Андерсонъ хорошій человекъ, хотя онъ виноватъ въ томъ, что избаловалъ свою дочь. Я не могу больше выносить, что онъ сидитъ здѣсь изо дня въ день и ждетъ эту...

И онъ назвалъ такимъ отвратительнымъ словомъ маленькую дѣвочку изъ Скрулюкка, что у Яна никогда нехватило бы духу повторить его даже мысленно.

Но теперь, когда Агриппа Престбергъ бросилъ ему въ лицо это слово громко, такъ что всѣ присутствующіе на пристани слышали его, у старика вырвалась наружу тайна, которую онъ хранилъ цѣлый годъ. Дольше онъ не могъ сдерживаться,—пусть его дѣвочка проститъ ему, что онъ выдалъ ея тайну!

Онъ сказалъ то, что долженъ былъ сказать, безъ всякаго гнѣва, безъ всякой заносчивости. Онъ сдѣлалъ величественный жестъ рукой, и на губахъ его появилась презрительная усмѣшка, словно онъ не хотѣлъ даже удостоить отвѣтомъ.

— Когда пріѣдетъ императрица...

— Императрица? Это еще кто такая?—фыркнулъ Грешпа, словно онъ ничего и не слышалъ о той великой чести, которая выпала на долю дѣвочки.

Но Янъ не слушалъ его, онъ продолжалъ съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ:

— Когда императрица Клара Португальская будетъ стоять здѣсь на пристани съ золотой короной на головѣ и ее будутъ окружать семь королей и поддерживать ея мантию, а семь ручныхъ львовъ будутъ лежать у ея ногъ и семьдесятъ семь полковниковъ будутъ итти передъ ней съ обнаженными мечами въ рукахъ,—тогда мы посмотримъ, посмѣешь ли ты повторить ей самой то, что ты сегодня сказалъ мнѣ, Престбергъ!

Проговоривъ это, онъ замеръ на мѣстѣ, какъ бы наслаждаясь произведеннымъ имъ эффектомъ и тѣмъ страхомъ, который онъ нагналъ на всѣхъ. Потомъ онъ круто повернулся и пошелъ своей дорогой спокойной и равномерной походкой.

Едва онъ повернулъ спину, какъ на пристани поднялись шумъ и возня. Сперва Янъ не обратилъ на это вниманія, но потомъ онъ услышалъ глухой ударъ, и тогда онъ не выдержалъ и обернулся.

Старый Греппа лежалъ на пристани враспяжку, а надъ нимъ стоялъ Августъ Деръ-Ноль съ сжатыми кулаками.

— Ты зналъ, негодяй, что онъ не выдержитъ правды!—крикнулъ Августъ.—Неужели у тебя нѣтъ сердца?

Янъ услыхалъ только это, но онъ терпѣть не могъ дракъ и ссоръ, а потому онъ сталъ подниматься по пригорку, не обращая больше вниманія на то, что происходило на пристани.

Но удивительнѣе всего было то, что когда онъ остался одинъ, его тѣло вдругъ потрясли глухія рыданія. Онъ не могъ понять, отчего онъ рыцалъ. Должно быть, это были слезы радости. Онъ былъ счастливъ, что открылъ наконецъ свою тайну. Ему казалось, что маленькая дѣвочка снова возвратилась къ нему.

И м п е р а т о р ъ .

Въ первое воскресенье въ сентябрѣ въ церкви въ Свартшѣ произошло нѣчто такое, что привело всѣхъ прихожанъ въ величайшее изумленіе.

Въ свартшѣской церкви вдоль всей стѣны идутъ широкіе хоры. На первой скамьѣ сидѣли обыкновенно господа, направо сидѣли мужчины, а налево женщины. Такъ это было съ незапамятныхъ временъ.

Правда, никому не запрещалось сидѣть тамъ, всякій могъ выбирать любое мѣсто. Но всетаки ни одному торпару не пришло бы въ голову сѣсть на переднюю скамью.

Когда-то Янъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту скамью и находилъ, что всѣ, кто сидѣли на ней, были очень красивы и нарядны. Да и въ этотъ день онъ не отрицалъ, что и заводчикъ изъ Дювнэса, и лейтенантъ изъ Лѣвдала, и инженеръ изъ Борга— всѣ были очень представительные и красивые люди. Но что они были въ сравненіи съ той блестящей особой, которую удостоились увидѣть въ церкви въ этотъ день прихожане? Вѣдь до сихъ поръ они никогда еще не видѣли у себя на хорахъ императора.

А вотъ сегодня на среднемъ мѣстѣ передней скамьи сидѣлъ императоръ. Онъ опирался обѣими руками о длинную палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, а на головѣ у него была высокая шапка изъ зеленой кожи, на груди сверкали двѣ звѣзды, одна изъ серебра, другая изъ золота.

Когда заигралъ органъ, императоръ громко запѣлъ. Дѣло въ томъ, что императоръ имѣетъ право пѣть громко въ церкви даже въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ ни слуха, ни голоса. Прихожане, конечно, были счастливы, что слышали его.

Мужчины, сидѣвшіе рядомъ съ нимъ, съ удивленіемъ смотрѣли на него, но такъ это и должно было быть. Вѣдь среди нихъ въ первый разъ появилась такая высокая особа.

Свою зеленую шапку императоръ снялъ, потому что даже императоры должны обнажать голову въ церкви. Но вначалѣ онъ появился въ ней, чтобы дать людямъ полюбоваться ею.

Прихожане, сидѣвшіе внизу, также съ удивленіемъ смотрѣли на хоры. Казалось, будто они больше обращаютъ вниманія на императора, чѣмъ на проповѣдь священника. Но это можно было простить имъ. Когда они привыкнутъ къ присутствію въ церкви императора, то успокоятся.

Быть можетъ, они были нѣсколько удивлены тѣмъ, что онъ такъ возвысился. Но вѣдь должны же они понять, что отецъ императрицы долженъ самъ быть императоромъ. Иначе и быть не могло.

Когда онъ вышелъ по окончаніи службы на церковный пригорокъ, къ нему хотѣли подойти многіе изъ прихожанъ, но онъ не успѣлъ ни съ кѣмъ заговорить, такъ какъ къ нему подошелъ причетникъ Свартлингъ и попросилъ его зайти въ ризницу.

Въ ризницѣ сидѣлъ священникъ на высококомъ креслѣ спиной къ двери и разговаривалъ съ депутатомъ Карльсономъ. Въ эту минуту вошли Янъ съ причетникомъ. Священникъ на что-то сердился, это слышно было по его голосу. Онъ чуть не плакалъ, — такъ онъ былъ взволнованъ.

— Мнѣ были довѣрены двѣ души, — сказалъ онъ, — и я далъ имъ погибнуть!

Депутатъ старался успокоить его.

— Полноте, пасторъ, какъ можете вы считать себя виноватымъ въ томъ, что происходитъ въ большихъ городахъ? — воскликнулъ онъ.

Но священникъ не слушалъ его. Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Нѣтъ, въ этомъ я не виноватъ, — сказалъ онъ. — Но развѣ я сдѣлалъ что-нибудь, чтобы оградить отъ соблазна молодую восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, одинокую и беззащитную, выброшенную въ широкій свѣтъ? И что сдѣлалъ я, чтобы утѣшить ея отца, который жилъ только ею одной?

— Вѣдь вы такъ недавно въ нашемъ приходѣ, пасторъ, — сказалъ депутатъ, — если уже говорить объ отвѣтственности, то она падаетъ скорѣе на насъ, остальныхъ, хорошо знающихъ нашихъ прихожанъ. Но кто могъ бы подумать, что все сложится такъ печально? Вѣдь молодымъ приходится уходить въ люди. И всѣхъ

насъ въ свое время постигла та же участь, и большая часть вышли благополучно изъ этого.

— Господи, если бы я только сумѣлъ поговорить съ нимъ!—сказалъ священникъ.—Быть можетъ, мнѣ еще удастся удержать разсудокъ, который покидаетъ его...

Причетникъ Свартлингъ откашлялся, чтобы предупредить о присутствіи Яна, и священникъ обернулся къ нимъ. Онъ всталъ и взялъ Яна за руку.

— Янъ!—началь онъ.

Священникъ былъ высокій и красивый молодой человекъ. Своимъ кроткимъ голосомъ и ясными голубыми глазами онъ производилъ глубокое впечатлѣніе на прихожанъ, и Янъ относился къ нему очень хорошо, но тутъ онъ рѣшилъ съ самаго же начала поставить его на надлежащее мѣсто.

— Дорогой мой пасторъ,—началь онъ,—здѣсь уже нѣтъ больше Яна. Передъ вами стоитъ императоръ Іоханнесъ Португальскій! И съ тѣми, кто не хочетъ величать его подобающимъ образомъ, онъ разговаривать не желаетъ!

Сказавъ это, Янъ удостоилъ священника величественнымъ кивкомъ и надѣлъ на голову зеленую шапку. Священникъ, депутатъ и причетникъ застыли въ растерянныхъ позахъ и не двинулись съ мѣста, когда Янъ раскрылъ дверь и ушелся.

Пѣсня императора.

На горѣ, покрытой лѣсомъ, надъ самой деревней Лубю, сохранился еще кусокъ старой проселочной дороги. Когда-то это была единственная дорога, и всѣ ѣздили по ней, но теперь она была совершенно заброшена, такъ какъ неподалеку была проведена другая дорога, болѣе удобная и отлогая. Однако пѣшеходы предпочитали старую дорогу, которая была короче, да и красивѣе. Она не успѣла еще зарости и оставалась все такой же широкой, къ тому же она была усыпана бархатистымъ желтымъ пескомъ, а благодаря тому, что по ней не ѣздили, на ней не было ни колеи, ни грязи, ни пыли. По краямъ дороги въ изобиліи росли цвѣты, а въ заросшихъ канавахъ стройнымъ рядомъ стояли молоденькія елочки. Онѣ тѣсно прижимались другъ къ другу, словно живая изгородь въ господской усадьбѣ, и на ихъ свѣтло-зеленыхъ верхушкахъ было множество молодыхъ побѣговъ. Ихъ густыя вѣтви съ мягкой хвоей всегда слегка шевелились и издавали едва уловимый шелестъ, напоминавшій жужжаніе шмелей въ лѣтній солнечный день.

Возвращаясь изъ церкви домой, Янъ свернулъ на старую проселочную дорогу—это было въ то воскресенье, когда онъ въ первый разъ появился въ церкви въ императорскомъ одѣяніи,—и пошелъ вдоль живой изгороди изъ молоденькихъ елочекъ. Въ этотъ теплый солнечный день тихій шелестъ елочекъ раздавался такъ явственно, что Янъ былъ пораженъ. До сихъ поръ онъ никогда не обращалъ вниманія на шелестъ елокъ, а сегодня онъ точно напѣвали какую-то пѣсенку. Онъ рѣшилъ выяснитъ, почему именно сегодня елочки поютъ такъ громко. Торопиться ему было некуда, и онъ сѣлъ на бархатистый песокъ на краю дороги. Положивъ палку рядомъ съ собой, онъ снялъ зеленую шапку и вытеръ со лба потъ, а затѣмъ сложилъ руки и сталъ прислушиваться.

Воздухъ стоялъ неподвижно, не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, такъ что не вѣтеръ заставлялъ играть маленькіе невидимые музыкальные инструменты, спрятанные въ вѣтвяхъ елочекъ. Нѣтъ, казалось, будто елочки сами играли отъ радости, что онъ такія молоденькія и свѣженькія, и что имъ такъ спокойно стоять у забытой дороги, куда еще не скоро заглянуть люди, чтобы ихъ срубить.

А всетаки, если даже это и было такъ, Янъ не могъ понять, почему именно сегодня ели шумѣли такъ громко. Вѣдь онъ могли каждый день радоваться всѣмъ тѣмъ преимуществамъ, которыми онъ пользовались въ ясные лѣтніе дни, а потому имъ незачѣмъ было задавать такой концертъ именно сегодня безъ особой причины.

Янъ сидѣлъ не шевелясь и слушалъ.

Ели пѣли очень мелодично, хотя пѣсенка ихъ была очень монотонна и повторялась она безъ конца.

На лѣсномъ пригоркѣ было дѣйствительно очень хорошо. Не удивительно, что елочки чувствовали себя счастливыми и радовались. Странно только, что онъ не играли и не пѣли еще лучше. Янъ посмотрѣлъ на вѣтви елей съ молодой свѣтло-зеленой хвоей, онъ полной грудью вдыхалъ въ себя ихъ смолистый запахъ, который былъ лучше аромата самыхъ прекрасныхъ цвѣтовъ на лугу, онъ залюбовался зелеными незрѣлыми шишками, чешуя на которыхъ была расположена такъ искусно, и снова удивился, что такія деревья не могутъ пѣть лучше. Пѣли бы они хоть такъ, чтобы можно было понять, что именно они поютъ!

Но елочки напѣвали все одно и то же, все одно и то же. Янъ слушалъ, слушалъ, и имъ начала овладѣвать дремота. Отчего бы и не растянуться на чистомъ песочкѣ и не вздремнуть?

Но что это такое? Какъ разъ въ то мгновеніе, когда Янъ положилъ голову на землю и закрылъ глаза, ему вдругъ послышалось, что деревья запѣли что-то другое. Теперь слышна была мелодія и можно было различить размѣръ.

Янъ понялъ: весь предыдущій шумъ былъ только вступленіемъ, какъ это бываетъ въ церкви, когда органъ играетъ передъ началомъ псалма. А вотъ онъ слышалъ даже и слова, и понималъ ихъ!

Да, да, Янъ понялъ, что деревья знали, все знали, что съ нимъ случилось. Для него-то они и пѣли все время такъ громко.

Теперь они пѣли о немъ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Они запѣли теперь такъ ясно, потому что думали, что онъ спитъ. Быть можетъ, они не хотѣли, чтобы онъ слышалъ, какъ они прославляютъ его.

Что за пѣсня, что за мелодія? Онъ лежалъ и не открывалъ глазъ, но зато онъ весь превратился въ слухъ. Ни одинъ звукъ не ускользнулъ отъ него.

Каждый куплетъ пѣсни заканчивался припѣвомъ безъ словъ, и это-то и было самое очаровательное.

Это была настоящая музыка! Пѣли не только молоденькія елочки, но подпѣвалъ весь лѣсъ. Это былъ цѣлый оркестръ, слышны были звуки органовъ, барабановъ и трубъ. Играли на флейтахъ и дудочкахъ, напоминавшихъ пѣніе синичекъ и дроздовъ. Журчали ручейки, пѣли русалки, звенѣли голубые колокольчики...

Никогда еще Янъ не слышалъ ничего прекраснѣе этого. И никогда еще никакая другая музыка не запечатлѣвалась у него въ памяти такъ хорошо, какъ эта. Каждый звукъ вливался ему въ уши и оставался тамъ навсегда.

Когда пѣсня окончилась и лѣсъ замолкъ, Янъ вскочилъ съ земли, словно очнувшись отъ глубокаго сна. И, чтобы не забыть, онъ сейчасъ же началъ напѣвать эту пѣсню императора, пропѣтую ему лѣсомъ:

Отецъ императрицы
 Такъ счастливъ и такъ радъ,
 Газеты изъ столицы
 О томъ же говорятъ.

Тутъ начинался припѣвъ, но какъ разъ припѣвъ-то онъ и не разобралъ какъ слѣдуетъ, однако онъ все-таки пропѣлъ его, и ему показалось, что такъ это и было:

Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

Корона золотая
За шапку у него,
А сабля золотая
Ну такъ, ни для чего.
Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

И яблоки златыя
Въ котлѣ его кипятъ,
Какъ овощи простые—
Всѣ люди говорятъ.
Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

Пройдется ли онъ боромъ,
А фрейлины ужъ тутъ,
Привѣтствуютъ всѣ хоромъ,
Давно стоятъ и ждутъ.
Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

Больше приводило Яна въ восторгъ именно это „бумъ-бумъ“. При каждомъ „бумъ“ онъ сильно ударялъ палкой о землю, и голосъ его звучалъ особенно громко, и онъ старался пѣть басомъ. Онъ безъ конца напѣвалъ эту пѣсню, повторяя ее разъ за разомъ.

Да и сложилась эта пѣсня такимъ чудеснымъ образомъ! Не служило ли яснымъ доказательствомъ того, насколько хороша была эта пѣсня, также и то обстоятельство, что это была первая мелодія, которую удалось запомнить Яну?

Семнадцатое августа.

Въ первый разъ, когда Янъ пошелъ въ Лёвдала посмотрѣть на торжество, семнадцатаго августа, онъ остался недоволенъ своимъ посѣщеніемъ, такъ какъ Клара-Гулма осрамила его, стащивъ въ господскомъ саду нѣсколько яблокъ. Съ тѣхъ поръ онъ такъ и не ходилъ въ Лёвдала, хотя сосѣди рассказывали ему, что семнадцатое августа празднуется тамъ съ каждымъ годомъ все пышнѣе и пышнѣе.

Но теперь, когда его дѣвочка такъ возвысилась, все измѣнилось для него. Онъ зналъ, что лейтенантъ Лильекрона очень обидится, если такая высокая особа, какъ императоръ Юганнесъ Португальскій, не окажетъ ему чести и не придетъ поздравить его съ днемъ рожденія.

И вотъ Янъ надѣлъ на себя императорскую одежду и отправился въ Лёвдала. Однако онъ не торопился. Онъ отнюдь не хотѣлъ прійти однимъ изъ первыхъ. Не подобаетъ императору своимъ появленіемъ смущать общество,—пусть гости сперва разойдутся и развеселятся, тогда его присутствіе на празднествѣ не такъ будетъ стѣснять ихъ.

Во время своего перваго посѣщенія Яну и въ голову не приходило приближаться къ дому, онъ стоялъ все время на площадкѣ передъ домомъ и не ходилъ здороваться съ хозяевами. Теперь же не могло быть и рѣчи о такомъ неучтивомъ поведеніи съ его стороны. Войдя въ садъ, Янъ сейчасъ же направился прямо къ большой бесѣдкѣ влѣво отъ параднаго входа въ домъ, гдѣ сидѣлъ лейтенантъ въ обществѣ своихъ многочисленныхъ гостей; онъ протянулъ хозяину руку и пожелалъ ему много лѣтъ здравствовать.

— А, Янъ, ты вышелъ прогуляться?—сказалъ лейтенантъ, на лицѣ котораго отразилось удивленіе. Само собою разумѣется, онъ не ожидалъ такой чести. По этой же причинѣ онъ до того растерялся, что назвалъ Яна его старымъ именемъ.

Янъ прекрасно зналъ, что такой хорошій человекъ, какъ лейтенантъ, никоимъ образомъ не могъ преднамѣренно обидѣть его, а потому онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе въ самой деликатной формѣ.

— Мы не будемъ строго относиться къ вамъ, лейтенантъ, такъ какъ сегодня день вашего рожденія,—сказалъ онъ очень снисходительно.— Но вамъ не слѣдуетъ забывать, что я императоръ Юганнесъ Португальскій, и что называть меня слѣдуетъ соответствующимъ образомъ.

Онъ произнесъ это самымъ дружескимъ тономъ, однако это не

помѣшало остальнымъ гостямъ засмѣяться надъ тѣмъ, что лейтенантъ такъ глупо попалъ впросакъ. Янъ, не желавшій причинять непріятности лейтенанту въ день его рожденія, поспѣшилъ замѣять неловкость гостей и сталъ здороваться съ ними, чтобы отвлечь ихъ вниманіе.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогіе мои генералы, епископы и губернаторы!—сказалъ онъ, снимая свою зеленую шапку и дѣлая ея широкій размахъ. Послѣ этого онъ сталъ обходить всѣхъ и здороваться со всѣми за руку.

Рядомъ съ лейтенантомъ сидѣлъ маленькій толстенькій чело-вѣчекъ въ бѣломъ жилетѣ, въ расшитомъ золотомъ воротникѣ и со шпагой. Когда Янъ протянулъ ему руку, онъ не подалъ ему всей своей руки, а только два пальца.

Очень можетъ быть, что онъ сдѣлалъ это безъ злого умысла, но такой чело-вѣкъ, какъ императоръ Иоганнесь, хорошо зналъ, что необходимо соблюдать свое достоинство.

— Тебѣ придется протянуть мнѣ всю руку, милый мой епископъ и губернаторъ,—сказалъ онъ, но такъ ласково, какъ только это было возможно, потому что онъ не хотѣлъ портить настроенія гостей въ этотъ торжественный день.

Однако этотъ глупый чело-вѣкъ вздумалъ задирать носъ.

— Ты только что выразилъ недовольство по поводу того, что Лилбекрона назвалъ тебя по имени,—замѣтилъ онъ.—Меня тѣмъ болѣе удивляетъ, какъ ты позволяешь себѣ обращаться ко мнѣ на *ты*. Развѣ ты не видишь вотъ этого всего?—спросилъ онъ, указывая на какія-то три несчастныя звѣзды на своемъ фракѣ.

Тутъ Яну оставалось только волеи-неволеи распрощаться со своей скромностью и непритязательностью. Онъ быстрымъ движеніемъ разстегнулъ свою куртку и широко распахнулъ ее, чтобы всѣ могли видѣть его жилетъ, усыянный золотыми и серебряными звѣздами. Онъ всегда носилъ свои звѣзды на жилетѣ и наглухо застегивалъ куртку, такъ какъ звѣзды его легко мялись и выцвѣтали и онъ берегъ ихъ. А кромѣ того, онъ скрывалъ ихъ также и изъ скромности, потому что не любилъ смущать людей и пугать ихъ своимъ великолѣпіемъ, когда это было лишнее. Теперь же онъ долженъ былъ показать свои звѣзды, чтобы внушить людямъ должное почтеніе къ себѣ.

— Вотъ взгляни-ка на это!—воскликнулъ онъ.—Ну, что? Вотъ такъ всегда бываетъ, когда люди хвастаются! У тебя какія-то три несчастныя звѣзды. Есть чѣмъ кичиться!

Тутъ, разумѣется, генералу стало стыдно, и онъ проникся должнымъ почтеніемъ къ Яну. Къ тому же всѣ, кто знали про импе-

ратрицу и ея государство, до смерти хохотали надъ попавшимся вприсакъ хвастуномъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ, вставая и низко кланяясь. — Теперь только я понялъ, что вижу передъ собой настоящую царственную особу! И особа эта, какъ видно, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ!

Вотъ что значить умѣть обращаться съ людьми! И послѣ этого никто изъ другихъ гостей не разговаривалъ съ такимъ удовольствіемъ съ регентомъ Португаліи, какъ этотъ запосчивый генераль, который хотѣлъ было протянуть императору Португальскому всего два пальца, когда тотъ подаль ему всю руку.

Конечно, послѣ этого никто уже изъ сидѣвшихъ въ бесѣдкѣ не отказывалъ императору въ должномъ почтеніи — объ этомъ не могло быть и рѣчи. Когда первое замѣшательство прошло и гости поняли, что при всемъ своемъ высокомъ положеніи императоръ вполне доступенъ и не надмѣненъ, они стали наперерывъ разспрашивать его про его дѣвочку, про ея возвышеніе и о ея возвращеніи въ родной край. Подъ конецъ между Яномъ и гостями возникли такія дружескія отношенія, что онъ спѣлъ даже пѣсенку, которую слышалъ въ лѣсу. Очень можетъ быть, что съ его стороны это было слишкомъ большимъ снисхожденіемъ, но разъ всѣ гости такъ радовались каждому слову, которое онъ произносилъ, то онъ рѣшилъ доставить имъ еще и это удовольствіе.

И дѣйствительно, его пѣніе привело всѣхъ въ восторгъ. Едва онъ запѣлъ, какъ къ нему подошли также старыя генеральши и графини, сидѣвшія въ гостиной и пившія чай съ конфетами. Поспѣшили подойти и молодые бароны и придворныя фрейлины, которые весело танцовали въ бальной залѣ. Всѣ столпились вокругъ него и не сводили съ него глазъ. Но развѣ могло быть иначе, разъ онъ императоръ?

Такой пѣсни еще никто никогда не слыхалъ. Не успѣлъ онъ окончить ее, какъ гости стали просить его пропѣть ее еще разъ. Онъ немного поцеремонился и не согласился сразу, потому что не подобало ему быть слишкомъ сговорчивымъ, но, наконецъ, онъ уступилъ просьбамъ. И вотъ, когда онъ дошелъ до припѣва, то всѣ начали подпѣвать ему, молодые бароны притопывали даже ногами въ тактъ со словами „бумъ - бумъ“, а фрейлины хлопали въ ладоши.

Да, пѣсня была замѣчательная. Когда Янъ увидалъ всѣхъ этихъ нарядныхъ людей, которые подпѣвали ему, и молодыхъ дѣвушекъ, ласково смотрѣвшихъ на него, и услышалъ крики

„браво“, которыми его награждали молодые люди, онъ вдругъ почувствовалъ, что у него закружилась голова, словно онъ только что танцевалъ. Ему показалось, что кто-то приподнимаетъ его высоко надъ землей.

Онъ ни на минуту не терялъ сознанія, но въ то же время онъ наслаждался, чувствуя, что поднялся такъ высоко, что всѣ люди стоять гораздо ниже его. Ему казалось, что онъ поднимается на могучихъ крыльяхъ, что они опустили на императорскій тронъ, возсѣдая на которомъ, онъ наслаждался почетомъ и славой.

Для его полного блаженства нехватало только одного. Ахъ, если бы великая императрица, маленькая Клара-Гулла изъ Скрулюкка была также здѣсь!

Не успѣлъ онъ этого подумать, какъ садъ озарился краснымъ отблескомъ. Янъ повернулъ голову и увидалъ, что на крыльцѣ появилась молодая дѣвушка въ красномъ платьѣ.

Дѣвушка была высокая и стройная, и у нея были роскошные бѣлокурые волосы. Она стояла вполоборота къ Яну, и онъ не видѣлъ ея лица, но это, конечно, была Клара-Гулла.

Теперь только Янъ понялъ, почему онъ весь день чувствовалъ себя такимъ счастливымъ. Его сердце предчувствовало, что скоро онъ увидитъ Клару, что она гдѣ-то близко.

Онъ вдругъ прервалъ пѣсню на полусловѣ, растолкалъ стоявшихъ вокругъ него и бросился къ широкому крыльцу дома.

Взойдя на первую ступень, онъ долженъ былъ остановиться. Сердце его билось такъ сильно, что готово было разорваться.

Однако черезъ нѣсколько времени силы вернулись къ нему, и онъ сталъ медленно подниматься съ одной ступеньки на другую. Но вотъ наконецъ-то онъ дошелъ до верхней площадки. Онъ остановился и раскрылъ свои объятія.

Въ это мгновеніе молодая дѣвушка обернулась, и онъ увидалъ ея лицо. Это была не Клара-Гулла. Это была совсѣмъ чужая дѣвушка, съ нескрываемымъ изумленіемъ смотрѣвшая на него.

Янъ не былъ въ состояніи произнести ни слова, но крупныя слезы такъ и текли по его щекамъ. Онъ не могъ удержать ихъ. Медленно спустился онъ съ крыльца, роскошь и веселье не притягивали его больше, онъ пошелъ по аллеѣ къ выходу изъ сада.

Хозяева и гости звали его, они просили его вернуться и попить имъ. Но онъ ничего не слушалъ. Быстро, быстро зашагалъ онъ по направленію къ лѣсу, гдѣ онъ могъ скрыться отъ людскихъ глазъ вмѣстѣ со своимъ горемъ.

Янъ и Катринна.

Никогда еще у Яна изъ Скрулюкка не было столько хлопотъ и заботъ, сколько было теперь, когда онъ сдѣлался императоромъ.

Во-первыхъ, онъ долженъ былъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы имъ не овладѣла гордыня. Онъ старался не забывать, что всѣ люди изъ той же плоти и крови, что всѣ они происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же прародителей Адама и Евы, что всѣ грѣшны и что, въ сущности, ни одинъ человѣкъ не долженъ возноситься надъ другимъ.

Яну всегда было противно видѣть, какъ люди важничаютъ другъ передъ другомъ, а потому онъ строго слѣдилъ за собой, чтобы не впасть въ этотъ грѣхъ. Однако онъ очень скоро убѣдился въ томъ, что не такъ-то легко оставаться скромнымъ, когда сознаешь, что во всемъ приходѣ нѣтъ равнаго тебѣ.

Разумѣется, больше всего онъ боялся сдѣлать что-нибудь или сказать что-нибудь такое, что могло бы дать поводъ подумать его старымъ друзьямъ, тянувшимъ прежнюю лямку, что онъ забылъ ихъ или относится къ нимъ съ пренебреженіемъ. А потому онъ рѣшилъ лучше не заговаривать съ ними о томъ, какая великая честь выпала на его долю, когда онъ встрѣчался съ ними на деревенскихъ пирушкахъ. Присутствовать же на всѣхъ пирушкахъ во всемъ приходѣ онъ считалъ теперь своей обязанностью. Правда, онъ не замѣчалъ, чтобы кто-нибудь изъ его друзей ему завидовалъ. О, ничего подобнаго! Но какъ бы то ни было, а онъ не хотѣлъ, чтобы они дѣлали какія-нибудь невыгодныя для себя сравненія.

Не могъ онъ также требовать отъ такихъ людей, какъ Бѣрье или Ола, чтобы они называли его императоромъ. Пусть же старые друзья называютъ его попрежнему Яномъ. Да они и не могли бы привыкнуть называть его иначе.

Но больше всего Янъ считался со своею старою женою. Онъ очень боялся чѣмъ-нибудь обидѣть ее и былъ съ нею очень остороженъ. Конечно, для него было бы большимъ облегченіемъ и великою радостью, если бы пришла вѣсть также и о ея возвышеніи, но этого не было, и она оставалась все той же старою Катринной. Пожалуй, что иначе и быть не могло. По всей вѣроятности, Клара-Гулла понимала, что изъ Катринны нельзя сдѣлать императрицы. Янъ не могъ даже представить себѣ Катринну съ золотой короной на головѣ, хотя бы въ церкви въ воскресенье. Конечно, Катринна отказалась бы пойти въ храмъ Божій, если бы

ей предложили надѣть на голову что-нибудь другое, кромѣ ея воскреснаго чернаго шелковаго платка.

Мало того, Катринна такъ-таки прямо сказала, что она и слышать не хочетъ о томъ, что Клара-Гулла стала императрицей.

Разумѣется, Яну не такъ-то легко было возвращаться къ себѣ въ избу послѣ утра, проведеннаго на пристани среди толпы, ожидавшей парохода и обращавшейся съ нимъ, какъ съ настоящимъ императоромъ. Едва онъ переступалъ порогъ своей избы, какъ все величіе и весь блескъ оставались позади. Доходило даже до того, что Катринна пыталась заставить его принести дровъ или воды и заговаривала съ нимъ такимъ тономъ, словно онъ не только не возвысился, но даже палъ ниже.

Было бы еще ничего, если бы дѣло кончалось только этимъ, но вѣдь Катринна вѣчно пыла и укоряла его тѣмъ, что онъ не ходитъ больше на поденную работу. Но въ такихъ случаяхъ онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Вѣдь онъ хорошо зналъ, что императрица Португальская пришлетъ ему столько денегъ, что ему ужъ никогда больше не придется надѣвать на себя рабочее платье. Онъ поступилъ бы очень дурно, если бы въ этомъ отношеніи уступилъ настояніямъ Катринны.

Однажды подъ вечеръ Янъ сидѣлъ на каменной плитѣ возлѣ своего крыльца и покуривалъ коротенькую трубку. Вдругъ онъ увидалъ, что на опушкѣ лѣса мелькнули свѣтлыя платья, и до него донеслись молодые голоса.

Катринна была въ это время въ березовой рошицѣ, куда она пошла нарѣзать вѣшниковъ. Уходя, она объявила Яну, что постарается устроить такъ, чтобы хозяинъ Фалла позволилъ ей копать канавы вмѣсто Яна. Янъ же можетъ оставаться дома, готовить обѣдъ и чинить бѣлье, разъ онъ считаетъ ниже своего достоинства работать на другихъ. Янъ ничего не отвѣтилъ ей на это, но слова Катринны произвели на него тяжелое впечатлѣніе, а потому онъ очень обрадовался, когда услышалъ веселые голоса, отвлекшіе его мысли въ другую сторону. Онъ сейчасъ же вскочилъ съ мѣста, бросился въ избу и надѣлъ на себя императорскую шапку, а въ руки взялъ палку съ серебрянымъ набалдашникомъ. Онъ успѣлъ подойти къ калиткѣ какъ разъ въ ту минуту, когда нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ поровнялись съ его дворомъ.

Ихъ было пятеро: три молоденькія барышни изъ Лѣвдала и еще двѣ чужія дѣвушки, вѣроятно, ихъ гостыи.

Янъ настѣжь распахнулъ калитку и вышелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Добро пожаловать, мои милыя фрейлины! — сказалъ онъ,

снимая шапку и опуская ее такъ низко, что она чуть не коснулась земли.

Молодые дѣвушки остановились и въ первую минуту какъ будто немного растерялись. Однако благодаря такту Яна, онѣ очень скоро оправились отъ своего смущенія.

Всѣ начали здороваться съ Яномъ и называли его „нашъ милый императоръ“. Ясно было по всему, что молодые дѣвушки были очень рады видѣть его.

Къ тому же эти дѣвушки ничего не имѣли противъ того, чтобы поговорить съ Яномъ объ императрицѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ не походили ни на Катринну и ни на кого изъ жителей Аскедаларна. Съ первыхъ же словъ онѣ спросили, какъ поживаетъ императрица и когда она пріѣдетъ домой.

Поболтавъ немного съ Яномъ, онѣ спросили даже, нельзя ли имъ заглянуть въ избу. Янъ могъ спокойно позволить это, потому что Катринна всегда держала избу въ такой чистотѣ, что въ нее нестыдно было впустить кого угодно.

Молодые дѣвушки очень удивились, войдя въ избу, что великая императрица выросла въ такой маленькой избушкѣ. Онѣ замѣтили, что раньше императрица, конечно, могла мириться съ такимъ маленькимъ помѣщеніемъ, но что теперь ей, пожалуй, будетъ трудновато жить здѣсь, когда она пріѣдетъ изъ Португаліи.

Оказалось, что и Янъ уже думалъ объ этомъ. Онъ прекрасно понималъ, что Клара-Гулла не могла остаться въ Аскедаларна, разъ она должна была управлять цѣлымъ государствомъ.

— Надо полагать, что императрица снова вернется въ Португалію,—сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ и вы, вѣрно, уѣдете съ ней?—спросила одна изъ дѣвушекъ.

Этотъ вопросъ былъ не совсѣмъ-то по душѣ Яцу, онъ предпочелъ бы, чтобы его объ этомъ не спрашивали. Онъ не сразу и отвѣтилъ молодой дѣвушкѣ, но та снова спросила его:

— Можетъ быть, вы и сами еще не знаете, какъ все это будетъ?

Нѣтъ, Янъ хорошо зналъ, какъ все будетъ, онъ только не былъ увѣренъ въ томъ, какъ къ его рѣшенію отнесутся люди. Пожалуй, они нашли бы, что императоръ поступилъ не такъ, какъ ему подобаешь.

— Нѣтъ, мнѣ придется ужъ остаться дома,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Не могу же я уѣхать отъ Катринны.

— Ахъ, такъ Катринна не уѣдетъ?

— Нѣтъ, Катринну не удастся уговорить бросить нашу избу.

А я останусь съ ней. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, разъ я обѣщала ей дѣлать съ ней горе и радость пополамъ.

— Да, понятно, что такому обѣту измѣнять нельзя,—сказала молоденькая дѣвушка, которая больше всѣхъ интересовалась Яномъ.—Вы слышали?—обратилась она къ своимъ подругамъ,—Янъ не хочетъ покидать своей жеппы, несмотря на то, что его манятъ къ себѣ всѣ богатства Португаліи.

Какъ это ни странно, но милыя фрейлины очень обрадовались этому. Онѣ ласково хлопали Яна по плечу и хвалили его за его вѣрность. Онѣ сказали, что милый, старый Янъ Андерсонъ изъ Скрулюкка еще не пропалъ.

Янъ не совсѣмъ-то понялъ, что онѣ этимъ хотѣли сказать. Но, по всей вѣроятности, онѣ просто очень обрадовались тому, что онъ не уѣдетъ изъ ихъ прихода.

Вскорѣ молодые дѣвушки распрощались и ушли, онѣ направлялись въ Дювнэсъ въ гости.

Едва онѣ исчезли, какъ въ избу вошла Катринна. Должно быть, она стояла за дверью и ждала, пока уйдутъ гости. Долго ли она стояла и много ли слышала—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но на лицѣ у нея было такое кроткое и ласковое выраженіе, какого давно не было.

— Ты настоящій дурень,—сказала она Яну.—Хотѣла бы я знать, что сказала бы какая-нибудь другая женщина, если бы у нея былъ такой мужъ? Но всетаки хорошо, что ты не хотѣлъ покинуть меня и уѣхать отъ меня.

Похороны.

Яна Андерсона изъ Скрулюкка никто не приглашалъ на похороны Бьёрна Хиндриксона въ Лубю. Но это отнюдь не смущало Яна, вѣдь семья Хиндриксона не могла быть увѣрена въ томъ, что Янъ пожелаетъ признавать свое родство съ ними послѣ того, какъ онъ такъ возвысился. Кромѣ того, родственники умершаго навѣрное, боялись лишнихъ хлопотъ и расходовъ, сопряженныхъ съ пріемомъ такой особы, какъ императоръ. Къ тому же близкіе родные Бьёрна Хиндриксона, конечно, хотѣли ѣхать первыми сейчасъ же за гробомъ въ похоронной процессіи, ну а если бы они пригласили Яна, то имъ пришлось бы уступить первое мѣсто ему.

Вѣдь имъ не приходило въ голову, что онъ не придаетъ особаго значенія всѣмъ этимъ церемоніямъ, на которыя другія обращаютъ такое вниманіе. Онъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и ничто не могло уронить его достоин-

ства. А потому онъ никогда и не пытался становиться поперекъ дороги тѣмъ, кому доставляло такое удовольствіе сидѣть на первомъ мѣстѣ.

И вотъ, чтобы не доставлять никому непріятностей, Янъ не пошелъ въ усадьбу Хиндриксона, откуда должна была утромъ выйти похоронная процессія, а направился прямо на кладбище. Только послѣ того, какъ длинная процессія прибыла на церковный пригорокъ и всѣ сошли съ экипажей и выстроились за гробомъ, чтобы идти на кладбище, Янъ вошелъ въ ряды родственниковъ и зашагалъ рядомъ съ ними.

Правда, всѣ нѣсколько удивились при видѣ Яна и даже какъ будто немного растерялись, но Янъ не обратилъ на это особаго вниманія, такъ какъ люди уже не въ первый разъ удивлялись его снисходительному отношенію къ нимъ, и онъ привыкъ къ этому. Конечно, родственники умершаго хотѣли, чтобы онъ шелъ впереди всѣхъ, но теперь уже некогда было мѣнять мѣста, такъ какъ процессія двинулась къ воротамъ кладбища.

Послѣ совершенія похороннаго обряда всѣ направились въ церковь къ обѣднѣ, и тамъ Янъ сѣлъ на скамью рядомъ съ родственниками умершаго. Опять они посмотрѣли на него съ нескрываемымъ удивленіемъ, такъ какъ поняли, что онъ ради нихъ не занялъ своего обычнаго почетнаго мѣста на хорахъ среди важныхъ господъ. Но тутъ ужъ дѣлать было нечего, вступительный псаломъ уже раздался подъ сводами церкви и некогда было заниматься церемоніями.

По окончаніи церковной службы, когда на церковный пригорокъ выѣхали всѣ экипажи въ ожиданіи сѣдоковъ, Янъ усѣлся на телѣгѣ съ широкой платформой, на которой привезли въ церковь покойника. Онъ зналъ, что телѣга поѣдетъ обратно порожняя, и такимъ образомъ онъ ни у кого не отнималъ мѣста. Дочь и зять Бьёрна Хиндриксона раза два прошли мимо него и пристально посмотрѣли на него. Должно быть, имъ было непріятно, что они не могутъ предложить Яну ѣхать въ одномъ изъ переднихъ экипажей, но вѣдь Янъ самъ ни за что не согласился бы доставлять людямъ хлопоты съ пересадкой изъ одного экипажа въ другой. Зачѣмъ ему это? Онъ все равно оставался тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

По дорогѣ изъ церкви въ село Янъ невольно вспомнилъ, какъ онъ однажды ходилъ съ маленькой Кларой въ гости къ богатымъ родственникамъ. Да, вотъ какъ все мѣняется на свѣтѣ! Развѣ не сталъ онъ, Янъ, могущественнымъ и всѣми почитаемымъ человекомъ? Теперь онъ оказываетъ людямъ великую честь, посѣщая ихъ.

По мѣрѣ того какъ гости прїѣзжали съ похоронъ въ усадьбу Хиндриксоновъ, ихъ вводили въ большой залъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ они снимали верхнее платье. Послѣ этого ближайшіе сосѣди Бьёрна Хиндриксона, которымъ было поручено хозяевами замѣнять ихъ и принимать гостей, приглашали наиболѣе почтенныхъ изъ гостей наверхъ, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ.

Это была очень отвѣтственная обязанность, такъ какъ на такихъ большихъ похоронахъ не было никакой возможности усадить за столъ всѣхъ гостей заразъ. А между тѣмъ, многіе гости сочли бы за величайшее оскорбленіе для себя, если бы ихъ не пригласили къ столу въ первую очередь, и этого они никогда не простили бы.

Что же касается человѣка, достигшаго высокаго положенія императора, то онъ могъ на многое смотрѣть сквозь пальцы, но за столомъ онъ долженъ былъ сидѣть въ первой очереди. Тутъ онъ не могъ сдѣлать никакой уступки, а то иначе люди подумали бы, что онъ и вправду не знаетъ своего настоящаго мѣста.

То обстоятельство, что Яна не пригласили наверхъ, ничуть не смущало его. Само собою разумѣлось, что онъ долженъ обѣдать вмѣстѣ со священникомъ и съ господами, такъ что въ этомъ отношеніи все было въ порядкѣ.

Онъ сидѣлъ тихо и въ полномъ одиночествѣ на скамьѣ. Здѣсь никто не подходилъ къ нему, ни у кого не было желанія поболтать съ нимъ объ императрицѣ. Въ душу Яна закралось даже нѣчто, похожее на чувство обиды. Сегодня, когда онъ отправлялся на похороны, Катринна сказала ему, что на эти похороны онъ не долженъ былъ бы ходить, потому что Хиндриксоны такіе родовитые, что не церемонились ни съ королями, ни съ императорами. Теперь Яну казалось, что, пожалуй, она была и права. Старые крестьяне, жившіе въ своихъ усадьбахъ чуть ли не съ самаго сотворенія міра, важничали гораздо больше, чѣмъ самые важные бары.

Не такъ-то легко было собрать всѣхъ кого слѣдуетъ къ первой очереди обѣда. Хозяинъ и хозяйка долго ходили среди гостей, выбирая наиболѣе почетныхъ изъ нихъ, но къ нему они такъ ни разу и не подошли.

Возлѣ Яна сидѣли двѣ пожилыя дѣвушки, у которыхъ не было никакой надежды попасть за столъ въ первую очередь, а потому онѣ спокойно разговаривали о томъ и о семъ, какъ люди, которымъ некуда торопиться. Наконецъ, онѣ заговорили о томъ, какъ было хорошо, что Линнартъ Бьёрнсонъ, сынъ Бьёрна Хинд-

риксона, во время возвратился домой и успѣлъ примириться съ отцомъ.

Въ сущности, настоящей ссоры между отцомъ и сыномъ не было, но дѣло обстояло такъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Линнарту было двадцать съ небольшимъ лѣтъ и онъ женился, онъ спросилъ отца, не уступитъ ли тотъ ему права хозяйничать въ усадьбѣ или не дастъ ли онъ ему возможности жить какъ-нибудь самостоятельно. Старый Бѣрнъ отвѣтилъ отказомъ на то и на другое. Онъ желалъ, чтобы сынъ оставался въ его домѣ на старыхъ началахъ и принялъ бы бразды правленія только послѣ того, какъ отецъ закроетъ глаза. „Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ на это сынъ,—такъ рассказывали люди,—я не хочу жить дома и быть вашимъ батракомъ, хотя вы мнѣ и отецъ. Ужъ лучше я уйду въ широкій свѣтъ и устроюсь такъ, чтобы быть самому себѣ хозяиномъ. Я долженъ сдѣлаться вашей ровней, иначе согласію нашему конецъ“. „Нашему согласію все равно наступитъ конецъ, разъ ты хочешь итти своимъ путемъ“,—отвѣтилъ сыну Бѣрнъ Хиндриксонъ.

И вотъ сынъ ушелъ въ большіе лѣса къ сѣверу и къ востоку отъ озера Дювшѣ. Тамъ онъ поселился въ самой чащѣ, расчистилъ землю и обстроился. Его усадьба была въ приходѣ Бру, и онъ никогда не показывался въ Свартшѣ. Въ теченіе тридцати лѣтъ родители ни разу не видали его. И вдругъ, восемь дней тому назадъ, когда Бѣрнъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи, онъ появился въ усадьбѣ.

У Яна на душѣ стало свѣтло и радостно. Онъ услышалъ отъ радныхъ вѣсти.

Недѣлю тому назадъ въ воскресенье, когда Катринна вернулась домой изъ церкви и принесла извѣстіе о томъ, что Бѣрнъ Хиндриксонъ лежитъ при смерти, Янъ сейчасъ же спросилъ, дали ли знать объ этомъ сыну Бѣрна. Оказалось, что сына не извѣщали объ этомъ. Катринна слышала, что жена Бѣрна Хиндриксона просила и умоляла мужа разрѣшить ей послать за сыномъ, но умирающій строго запретилъ ей это. Онъ сказалъ, что хочетъ имѣть покой на своемъ смертномъ одрѣ.

Однако Янъ не успокоился на этомъ. Онъ не могъ отвязаться отъ мысли, что Линнартъ Бѣрсонъ живетъ въ глухомъ лѣсу и ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ въ его родномъ домѣ. И вотъ Янъ рѣшилъ пойти наперекоръ волѣ стараго Хиндриксона и извѣстить его сына.

До этого дня Янъ такъ ничего и не слыхалъ, какъ все произошло въ домѣ Хиндриксоновъ. Теперь же онъ съ такимъ вни-

маніемъ прислушивался къ разговору дѣвушекъ, что забылъ и про первую и про вторую смѣны обѣда.

Оказалось, что когда сынъ явился въ домъ отца, то оба такъ растрогались, что между ними сейчасъ же произошло полное примиреніе. Старикъ даже засмѣялся, обративъ вниманіе на платье сына.

— Да въѣдъ ты въ рабочемъ платьѣ!—сказалъ онъ.

— Конечно, я долженъ былъ бы быть въ праздничномъ платьѣ, такъ какъ сегодня воскресенье,—отвѣтилъ Линнартъ Бьёрнсонъ,—но дѣло въ томъ, что лѣто у насъ вышло такое дождливое, что я рѣшилъ убрать немного овса въ воскресенье послѣ обѣда.

— Ну, что же, удалось тебѣ убрать хоть сколько-нибудь?—спросилъ старикъ.

— Я успѣлъ только навалить одинъ возъ, но такъ и бросилъ его посреди поля, потому что мнѣ принесли извѣстіе о вашей болѣзни. Я сейчасъ же поспѣшилъ сюда, не переодѣваясь.

— А кто принесъ тебѣ это извѣстіе?—спросилъ отецъ, немного помолчавъ.

— Я никогда раньше не видалъ этого человѣка. Я даже хотѣлъ спросить тебя, не знаешь ли ты его? Онъ, пожалуй, больше всего походилъ на нищаго.

— Тебѣ придется разыскать этого человѣка и поблагодарить его отъ меня,—замѣтилъ старый Бьёрнъ очень серьезно.—Оказывай ему почетъ всюду, гдѣ бы ты его ни встрѣтилъ. Онъ желалъ намъ добра.

Между отцомъ и сыномъ царили миръ и согласіе до той самой минуты, какъ старикъ закрылъ глаза. Оба были такъ рады примиренію, что казалось, будто смерть принесла имъ не скорбь, а счастье.

Яна слегка передернуло, когда онъ услыхалъ, что Линнартъ назвалъ его нищимъ, но потомъ онъ успокоился, такъ какъ понималъ, что это было простое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что онъ не взялъ съ собой въ эту глушь ни императорской шапки, ни палки.

Эти мысли вернули его къ его настоящимъ заботамъ. Онъ рѣшилъ, что ждалъ достаточно. Его такъ и не позвали къ столу, теперь ужъ нечего было больше и ждать этого. Произошла какая-то путаница.

Онъ рѣшительно всталъ, прошелъ черезъ сѣни, поднялся по лѣстницѣ и растворилъ дверь въ большой залъ во второмъ этажѣ.

Онъ сейчасъ же увидалъ, что обѣдъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Большой столъ въ видѣ подковы былъ уснащенъ вся-

кими яствами и вокругъ него тѣсно сидѣли гости. Первое блюдо успѣли уже обнести. Тутъ Янь понялъ, что его вовсе и не собирались приглашать къ столу въ первую очередь. За столомъ сидѣли священникъ и причетникъ и лейтенантъ изъ Лѣвдала съ женой—всѣ тамъ сидѣли, кому полагалось сидѣть, только его не было.

Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, прислуживавшихъ за столомъ, бросилась къ Яну, какъ только онъ появился въ дверяхъ.

— Что вамъ здѣсь надо, Янь?—спросила она вполголоса.— Уходите-ка внизъ, вамъ здѣсь нечего дѣлать.

— Милая моя хозяйшка!—отвѣтила Янь.—Мнѣ кажется, что императоръ Иоганнесъ Португальскій долженъ ѣдать въ первую очередь.

— Да замолчите же, Янь!—сказала молодая дѣвушка.—Сегодня намъ совсѣмъ не до вашихъ глупостей. Идите-ка внизъ. Васъ покормятъ, когда наступитъ вашъ чередъ.

Янь всегда питалъ къ этому дому болѣе почтенія, чѣмъ къ какому-либо другому во всемъ приходѣ. Вотъ почему ему и хотѣлось, чтобы его приняли именно здѣсь такъ, какъ подобало. Онъ какъ-то весь поникъ, стоя въ дверяхъ со своей императорской шапкой въ рукахъ. Онъ самъ почувствовалъ, какъ все его императорское достоинство покидаетъ его.

Какъ разъ въ эту тяжелую для него минуту онъ услышалъ, что Линнартъ Бѣернсонъ, сидѣвшій въ концѣ стола, вскрикнулъ:

— Да, вѣдь это тотъ самый человѣкъ, который въ прошлое воскресенье принесъ мнѣ извѣстіе о болѣзни отца!

— Что ты говоришь?—спросила его мать.—Увѣренъ ли ты въ этомъ?

— Ну, конечно, это онъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія! Я видѣлъ его сегодня уже раньше, но не узналъ его, потому что онъ былъ какъ-то странно одѣтъ. А теперь, когда онъ снялъ шапку, я вижу, что это онъ самый.

— Разъ это дѣйствительно онъ, то ему не пристало стоять у дверей, какъ какому-нибудь нищему,—сказала старая хозяйка.— Мы потѣсимся и для него также найдется мѣстечко за этимъ столомъ. Честь ему и слава за то, что онъ облегчилъ послѣднія минуты стараго Бѣерна, а мнѣ далъ единственное утѣшеніе, смягчившее мою скорбь по такому хорошему мужу, какимъ былъ для меня Бѣернъ.

Хотя за столомъ было уже и безъ того тѣсно, но для Яна нашлось еще мѣстечко. Его посадили посреди подковы какъ разъ напротивъ священника. Лучшаго мѣста онъ и желать не могъ.

Вначалѣ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ-то въ своей тарелкѣ. Онъ никакъ не могъ понять, почему его такъ расхваливаютъ только за то, что онъ пробѣжалъ нѣсколько миль по лѣсу, чтобы дать знать Линнарту о болѣзни отца. Но потомъ онъ сообразилъ, въ чемъ тутъ было дѣло. Конечно, его чествовали, какъ императора. Но, чтобы остальные гости не чувствовали себя униженными, хозяева рѣшили свести все на другое.

Иного объясненія не было. Янъ всегда былъ услужливъ и внимателенъ ко всѣмъ, но до сихъ поръ никто еще не чествовалъ и не ублажалъ его такъ за это.

Умиращее сердце.

Во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ на пароходную пристань инженеръ Бореусъ не могъ не обратить вниманія на большую толпу, которая обыкновенно собиралась вокругъ маленькаго старичка изъ Скрулюкка. Теперь Яну уже не приходилось сидѣть одному и коротать время въ обществѣ своихъ думъ, какъ бывало раньше. Теперь люди, приходившіе встрѣчать пароходъ, спѣшили къ нему, чтобы поболтать съ нимъ объ императрицѣ, услышать, какъ онъ описываетъ ея возвращеніе на родину, а главное, ея прибытіе на пароходъ и пріемъ ея на пристани. Каждый разъ, когда инженеръ Бореусъ проходилъ мимо кучки собравшихся вокругъ Яна людей, онъ слышалъ о золотой короцѣ, которая будетъ сверкать на головѣ императрицы, о золотыхъ цвѣтахъ, которые распустятся на деревьяхъ и кустахъ, какъ только она ступитъ на пристань, и тому подобное.

Въ концѣ октября, мѣсяца три спустя послѣ того, какъ Янъ изъ Скрулюкка въ первый разъ на этой же пристани объявилъ о возвышеніи Клары, инженеръ Бореусъ, придя утромъ на пристань, обратилъ вниманіе на необыкновенно большую толпу, собравшуюся вокругъ Яна. Инженеръ хотѣлъ было пройти мимо, слегка поклонившись, но потомъ раздумалъ и рѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло.

Окинувъ толпу взглядомъ, инженеръ не замѣтилъ ничего необычнаго. Янъ сидѣлъ на камнѣ, на которомъ онъ обыкновенно всегда сидѣлъ, когда являлся на пристань. На лицѣ у него было написано сознаніе собственнаго достоинства, и онъ держалъ себя серьезно и величественно. Рядомъ съ нимъ сидѣла высокая женщина, говорившая такъ быстро, что казалось, будто слова брызжутъ у нея изо рта. Она трясла головой, прищуривала глаза и медленно наклоняла верхнюю часть туловища впередъ, такъ

что, когда она кончала длинную фразу, то лицо ея склонялось почти до самой земли.

Инженеръ Бореусъ сейчасъ же узналъ въ ней слабоумную Столль-Ингеборгъ. Но вначалѣ онъ никакъ не могъ понять, о чемъ она говоритъ. Онъ спросилъ стоявшихъ возлѣ него, о чемъ толкуеть Ингеборгъ.

— Она проситъ Яна устроить такъ, чтобы ей можно было уѣхать отсюда вмѣстѣ съ императрицей въ Португалію, когда та снова отправится туда,—отвѣтили ему.—Она уже долго проситъ его объ этомъ, но онъ не хочетъ дать на это своего согласія.

Теперь инженеру не трудно было слѣдить за разговоромъ этихъ двухъ несчастныхъ. Однако этотъ разговоръ не доставилъ ему никакого удовольствія. Морщина между его бровями становилась все глубже по мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ.

Передъ Яномъ сидѣло единственное существо, кромѣ него самого, вѣрившее въ великолѣпіе португальскаго царства, а онъ не разрѣшалъ этой несчастной поѣхать туда! Бѣдная слабоумная женщина вѣрила, что въ этой странѣ нѣтъ голода, нѣтъ бѣдности, нѣтъ злыхъ людей, издѣвающихся надъ обиженными Богомъ, что тамъ дѣти не преслѣдуютъ беззащитныхъ странниковъ и не бросаютъ въ нихъ камнями. Тамъ царитъ вѣчный миръ, тамъ нѣтъ невзгодъ, и вотъ туда-то она и хотѣла такъ страстно перенестись, чтобы забыть тамъ о всѣхъ страданіяхъ своего жалкаго существованія. Она умоляла Яна со слезами на глазахъ, она пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе, но Янъ оставался неумолимымъ и отвѣчалъ ей на все только нѣтъ да нѣтъ.

И кто же былъ глухъ къ ея мольбамъ? Янъ, который самъ провелъ весь этотъ годъ въ тоскѣ и печали! Быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ не отказалъ бы этой несчастной, потому что тогда его сердце было еще живо, но теперь, по видимому, сердце его успѣло превратиться въ камень.

Даже наружность Яна краснорѣчиво говорила о большой перемѣнѣ, которая произошла въ немъ за послѣднее время. Лицо у него пополнило и стало одутлымъ, подъ подбородкомъ образовалась складка, на верхней губѣ отросли густые темные усы. Глаза стали какъ будто болѣе выпуклыми, и взглядъ былъ пристальный и неподвижный. Инженеру показалось даже, что и носъ у Яна какъ будто выросъ и принялъ болѣе благородную форму. Зато волосы на головѣ совершенно отсутствовали, по крайней мѣрѣ, ни одинъ волосокъ не выглядывалъ изъ-подъ кожаной шапки.

Инженеръ не упускалъ изъ виду Яна съ тѣхъ самыхъ поръ,

какъ въ первый разъ заговорилъ съ нимъ лѣтомъ на пристани. Инженеръ понялъ, что теперь Яна тянетъ на пристань не тоска по дочери, онъ едва обращалъ вниманіе на пароходъ, когда тотъ причаливалъ къ пристани. Нѣтъ, онъ приходилъ сюда, чтобы поводить людей, которые поддерживали его въ его безуміи, называли его императоромъ и слушали его пѣсню и его бредь.

Но стоило ли такъ возмущаться этимъ? Вѣдь этотъ человѣкъ потерялъ разумъ. Это былъ сумасшедшій.

Но какъ знать, быть можетъ, безуміе не пустило бы въ немъ такіе глубокіе корни, если бы во-время вступить съ нимъ въ борьбу. Инженеръ подумалъ о томъ, что если бы онъ въ самомъ началѣ энергично и безъ всякаго состраданія свергъ этого несчастнаго съ его императорскаго престола, то его можно было бы еще спасти.

Инженеръ еще разъ испытующе посмотрѣлъ на Яна. Онъ сидѣлъ все съ тѣмъ же снисходительнымъ выраженіемъ на лицѣ, но оставался такимъ же неумолимымъ.

Въ такой прекрасной странѣ, какъ Португалія, конечно, жили одни только принцы и генералы и вообще только нарядные люди. А Столль-Ингеборгъ едва ли производила бы тамъ хорошее впечатлѣніе въ своемъ бумажномъ платкѣ и вязаной кофтѣ...

Господи, Боже ты мой! Инженера передернуло, и онъ хотѣлъ уже отчитать Яна, но потомъ раздумалъ и только пожалъ плечами. Едва ли изъ этого что-нибудь вышло бы, онъ причинилъ бы только лишнія страданія этому несчастному.

Онъ тихо отошелъ отъ толпы и пошелъ вдоль пристани. Пароходъ уже появился изъ-за ближайшаго мыса.

Сверженіе съ престола.

Задолго до того, какъ Ларсъ Гуннарсонъ женился на Аннѣ Эрикسدоттеръ изъ Фалла, онъ присутствовалъ какъ-то на одномъ аукціонѣ.

Аукціонъ устроили бѣдные люди, и, повидимому, у нихъ не было ничего изъ ихъ имущества, что хоть сколько-нибудь привлекало покупателей. Какъ бы то ни было, но аукціонъ шелъ необыкновенно вяло. Между тѣмъ хозяева имѣли полное основаніе ожидать, что аукціонъ пойдетъ хорошо, такъ какъ аукціонистомъ былъ Іенсъ изъ Чистерюда, а онъ былъ такой весельчакъ, что люди ходили на аукціонъ только для того, чтобы послушать его шутки. Но на этотъ разъ, какъ ни изопрясался въ острогахъ Іенсъ, дѣло не шло на ладъ, и никто ничего не покупалъ. На-

конецъ, видя, что всё его попытки ни къ чему не приводятъ, Іенсъ отложилъ въ сторону молотокъ и объявилъ, что онъ со-всѣмъ охрипъ и не можетъ больше выкрикивать.

— Послушайте, депутатъ, пришлите сюда кого-нибудь другого продолжать аукціонъ,—сказалъ онъ Карлу Карльсону изъ Стурвика, распорядившемуся аукціономъ.—Я до того накричался съ этими каменными истуканами, что совсѣмъ охрипъ. Теперь мнѣ придется сидѣть дома и молчать нѣсколько недѣль, какъ рыба, пока ко мнѣ снова не вернется способность говорить.

Карльсонъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, очутившись безъ аукціониста, такъ какъ большая часть имущества осталась нераспроданной, и онъ старался уговорить Іенса продолжать продажу, однако тотъ наотрѣзъ отказался. Онъ очень дорожилъ своей репутаціей и боялся испортить ее дурно сошедшимъ аукціономъ. Онъ вдругъ окончательно потерялъ голосъ и только издавалъ какое-то шипѣнье.

— Не найдется ли тутъ кого-нибудь, кто согласился бы выкрикивать, пока Іенсъ отдохнетъ?—спросилъ депутатъ.

Онъ обвелъ взглядомъ кучку собравшихся, не питая почти никакой надежды на то, что найдетъ какого-нибудь помощника. Вдругъ Ларсъ Гуннарсонъ вышелъ изъ толпы и сказалъ, что онъ попытается замѣнить Іенса. Онъ казался такимъ молодымъ въ то время, что Карль Карльсонъ только размѣялся и сказалъ, что онъ не можетъ принимать услугъ мальчиговъ, которые даже еще не конфирмовались. На это Ларсъ отвѣтилъ ему, что онъ успѣлъ уже отбыть и воинскую повинность, и онъ такъ настоятельно просилъ позволить ему выкрикивать на аукціонѣ вещи, что депутатъ наконецъ уступилъ его просьбамъ.

— Что же, попробуй, а тамъ посмотримъ, — сказалъ онъ. — Хуже не будетъ, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Ларсъ сталъ на мѣсто Іенса, взявъ въ руки старую кадушку изъ-подъ масла, чтобы показать ее покупателямъ, но вдругъ остановился и весь углубился въ разсматриваніе кадушки. Онъ поворачивалъ ее во всё стороны, дномъ вверхъ и бокомъ и, казалось, былъ очень удивленъ, не найдя въ ней ни малѣйшаго изъяна. Наконецъ онъ, какъ бы собравшись съ духомъ, выкрикнулъ нехотя кадушку. Можно было подумать, что ему прямо-таки жалко было расставаться съ такой хорошей вещью.

Собравшіеся ясно видѣли, что онъ очень не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь купилъ эту кадушку. Конечно, онъ предпочиталъ, чтобы эта хорошая вещь осталась въ рукахъ хозяевъ.

Когда же покупатели стали, перебивая другъ друга, накиды-

вать цѣну, то онъ не скрывалъ даже своего недовольства. Пока давали низкія цѣны, онъ еще сдерживалъ себя, но когда цѣна все продолжала расти да расти, онъ измѣнился въ лицѣ отъ досады. Можно было подумать, что онъ приноситъ тяжелую жертву, когда онъ долженъ былъ наконецъ отдать эту прокисшую, старую кадучку.

Послѣ кадучки насталъ чередъ ведеръ, ушатъ и корытъ. Къ старымъ вещамъ Ларсъ Гуннарсонъ относился еще довольно равнодушно и продавалъ ихъ безъ особыхъ вздоховъ. Но тѣ, что были поновѣе, онъ прямо-таки не хотѣлъ даже выкрикивать.

— Нѣтъ, знаете, они слишкомъ хороши, — говорилъ онъ хозяину. — Вѣдь они совсѣмъ новенькія, вы могли бы продать ихъ на рынкѣ за новый товаръ.

Покупатели не отдавали себѣ отчета въ томъ, какъ это случилось, но они вошли въ азартъ и то и дѣло набивали цѣны на вещи. Что же касается Ларса Гуннарсона, то онъ съ явнымъ неудовольствіемъ встрѣчалъ каждое новое предложеніе, а потому никакъ нельзя было заподозрѣть, что покупатели набивали цѣны, чтобы доставить ему удовольствіе. Но всѣ понимали, что предлагаемая Ларсомъ вещи дѣйствительно очень хорошія, и что они нужны имъ для домашняго обихода. Нельзя же было упускать такой удобный случай, когда можно было чуть ли не за полцѣны пріобрѣсти такіе полезные въ хозяйствѣ предметы. Теперь они покупали не ради забавы, какъ раньше, когда аукціонистомъ былъ Іенсъ Чпстерюдъ.

Послѣ этого пробнаго выступленія Ларса постоянно приглашали выкрикивать на аукціонахъ. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ завѣдывать молоткомъ на аукціонахъ, уже не было больше прежняго веселья, но зато никто не имѣлъ такой способности, какой обладалъ Ларсъ, внушать людямъ желаніе во что бы то ни стало пріобрѣсти какой-нибудь старый ненужный хламъ, или вызвать на состязаніе двухъ деревенскихъ толстосумовъ, которые набивали цѣну на какую-нибудь совершенно бесполезную вещь, только чтобы показать людямъ, что у нихъ водятся деньги.

Ларсу Гуннарсону такъ везло на аукціонахъ, что онъ всегда распродалъ все до послѣдней палки. Только разъ онъ чуть было совсѣмъ не сплоховалъ. Это было на распродажѣ имущества умершаго Свена Эстерберга изъ Стурстюга въ Бергвикѣ. Инвентарь, который распродался съ молотка, былъ прекрасный, и народу на аукціонъ собралось очень много, и хотя дѣло происходило глубокой осенью, но погода въ этотъ день стояла такая

хорошая, что аукціонъ происходилъ на дворѣ. Однако, несмотря на все это, продажа шла очень вяло. Ларсъ никакъ не могъ добиться того, чтобы люди съ интересомъ относились къ предлагаемымъ вещамъ или чтобы они дѣлали хоть какія-нибудь предложенія. Начинало казаться, что на этомъ аукціонѣ произойдетъ то же самое, что произошло на одномъ аукціонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Іенсъ Чистерюдъ отказался выкрикивать и когда Ларсъ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ аукціониста.

Однако, у Ларса Гуннарсона не было ни малѣйшаго желанія уступить свое мѣсто кому-нибудь другому. Онъ рѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло, почему люди сегодня такъ разсѣянны и не хотятъ ничего покупать. Вскорѣ онъ дѣйствительно выяснилъ себѣ все это.

Ларсъ сталъ на столъ, чтобы всѣ могли лучше видѣть, что онъ выкрикиваетъ. Съ этого наблюдательнаго поста онъ увидалъ, что въ толпѣ разгуливаетъ „императоръ“, жившій въ маленькой избушкѣ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Фалла, гдѣ онъ работалъ поденно. Ларсъ видѣлъ, какъ онъ съ милостивою улыбкой раскланивался направо и налево и показывалъ людямъ свою палку съ серебрянымъ набалдашиникомъ и звѣзды, украшавшія его грудь. За нимъ по пятамъ слѣдовала цѣлая вереница ребятишекъ и молодежи, и даже старые люди не гнушались вступать съ нимъ въ разговоры. Послѣ этого нечего было удивляться, что аукціонъ шелъ такъ плохо, разъ на немъ присутствовалъ самъ императоръ, привлекавшій на себя всеобщее вниманіе.

Вначалѣ Ларсъ не прервалъ аукціона, онъ только слѣдилъ глазами за Яномъ, пока тотъ не пробрался въ первый рядъ передъ столомъ, гдѣ происходилъ аукціонъ. Когда Іоганнесъ Португальскій появлялся гдѣ-нибудь, то не надо было опасаться, что онъ останется въ тѣни. Такъ и на этотъ разъ, онъ пожималъ всѣмъ руки и милостиво разговаривалъ, но въ то же время онъ старался пройти все ближе и ближе къ столу.

Въ то мгновеніе, когда онъ наконецъ поровнялся со столомъ, на которомъ стоялъ Ларсъ, послѣдній соскочилъ со стола, бросился къ Яну, сорвалъ у него съ головы зеленую шапку, вырвалъ у него изъ рукъ палку, и снова вскочилъ на столъ, прежде чѣмъ Янъ успѣлъ опомниться отъ неожиданности.

Янъ громко вскрикнулъ и хотѣлъ вскочить на столъ, чтобы отнять отъ Ларса свои сокровища, но Ларсъ сталъ размахивать передъ нимъ палкой, и ему пришлось отойти. Въ толпѣ поднялся ропотъ возмущенія, но Ларса это ничуть не смутило.

— Я понимаю, что васъ удивляетъ мое поведеніе,—крикнулъ

онъ громкимъ голосомъ опытнаго аукціониста, такъ что его слышно было на всемъ дворѣ,—но эта шапка и эта палка наши. Онѣ принадлежали моему тестю Эрику Эрса, а ему онѣ достались въ наслѣдство отъ стараго хозяина Фалла. И надо вамъ сказать, что эти вещи хранили въ Фалла, какъ семейныя драгоценности, а потому я не могу допустить, чтобы какой-то юродивый носилъ ихъ. Я не могу рассказать, какъ онѣ достались ему, но больше я уже не допущу, чтобы онъ наряжался въ то, что принадлежитъ намъ.

Янъ очень скоро успокоился, и пока Ларсъ говорилъ, онъ стоялъ со скрещенными на груди руками и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, словно ему было совершенно безразлично то, что говорилъ Ларсъ. Когда тотъ замолчалъ, онъ обернулся къ толпѣ съ величественнымъ жестомъ.

— Ну, милые мои придворные, — сказалъ онъ, — теперь вамъ придется достать мнѣ обратно мое имущество.

Но никто не пошевелился, чтобы помочь ему. Нѣкоторые даже разсмѣялись ему въ лицо. Всѣ перешли на сторону Ларса.

Изъ толпы раздался только одинъ женскій голосъ. Янъ услышалъ, какъ женщина крикнула аукціонисту:

— О, Ларсъ, не отнимайте отъ него императорскихъ регалій! Вѣдь вы все равно не будете сами употреблять ни палки, ни шапки.

— Я дамъ ему одну изъ моихъ собственныхъ шапокъ, какъ только возвращусь домой,—отвѣтилъ Ларсъ.—А ходить повсюду въ этой шапкѣ и съ палкой, которыя у насъ въ семьѣ пользовались такимъ почетомъ, я не позволю!

Изъ толпы раздался громкій хохотъ. Янъ такъ растерялся, что стоялъ на мѣстѣ, не шевелясь и съ изумленіемъ осматриваясь по сторонамъ. Онъ переводилъ взглядъ съ одного на другого и не могъ опомниться отъ удивленія. Господи Боже Ты мой! Неужели же не нашлось ни одного изъ всѣхъ этихъ людей, которые чтили и уважали его, кто помогъ бы ему въ тяжелую минуту? Да, всѣ стояли неподвижно. Онъ увидалъ, что онъ ничего не значить для нихъ и что они не хотятъ ничего сдѣлать для него. Ему сдѣлалось такъ страшно, что все его императорское величіе сразу исчезло, и онъ походилъ на ребенка, который готовъ расплакаться, потому что у него отняли игрушки.

Ларсъ Гуннарсонъ обернулся къ громадной кучѣ наваленныхъ другъ на другѣ вещей и хотѣлъ снова начать аукціонъ. Но тутъ Янъ сдѣлалъ попытку спасти свои регаліи безъ посторонней помощи. Жалобно причитая, онъ подошелъ вплотную къ

столу, на которомъ стоялъ Ларсъ, быстро нагнулся и сдѣлалъ движеніе, чтобы приподнять край стола и опрокинуть его вмѣстѣ съ Ларсомъ.

Однако Ларсъ не растерялся. Онъ взмахнулъ императорской палкой и такъ сильно ударилъ Яна по спинѣ, что тотъ невольно отскочилъ въ сторону.

— Потихе ты,—сказалъ Ларсъ.—Эти вещи останутся у меня. А теперь мнѣ кажется, ты достаточно времени истратилъ зря на всю эту императорскую комедію. Отправляйся-ка лучше по добру, по здорову домой да принимайся за рытье канавъ. Такимъ людямъ, какъ ты, совсѣмъ не мѣсто на аукціонахъ.

Казалось, будто Янъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія послѣдовать его совѣту. Тогда Ларсъ снова взмахнулъ палкой. Этого было достаточно для того, чтобы императоръ Португальскій обратился въ бѣгство.

Никто не тронулся съ мѣста, чтобы послѣдовать за нимъ, чтобы сказать ему слово утѣшенія, никто не позвалъ его назадъ. Многіе даже громко расхохотались, увидя, какъ Янъ сразу отрѣшился отъ всего своего величія и какъ позорно онъ бѣжалъ.

Однако это пришлось не совсѣмъ-то по вкусу Ларсу Гуннар-сону. Онъ любилъ, чтобы у него на аукціонахъ царило почти такое же благочестивое настроеніе, какъ во время богослуженія.

— Мнѣ кажется, что съ Яномъ надо обращаться серьезно, а не смѣяться надъ нимъ,—сказалъ онъ.—Между тѣмъ, я знаю, что многіе потакаютъ ему въ его юродствѣ и даже называютъ его императоромъ, а это очень нехорошо. Лучше постараться внушить ему, кто онъ таковъ, если бы даже это и было ему не-пріятно. Я уже съ давнихъ поръ его хозяинъ, а потому мнѣ кажется, что моя обязанность—постараться заставить его снова приняться за работу. Иначе онъ скоро станетъ бременемъ для всего прихода.

Послѣ этого прерванный аукціонъ возобновился и прошелъ блестяще, всѣ вещи были распроданы по высокімъ цѣнамъ. Ларсъ былъ очень доволенъ. А на другой день, когда онъ возвратился домой, онъ еще больше обрадовался, узнавъ, что Янъ изъ Скрулюкка снова сталъ на работу и роетъ канаву въ полѣ.

— Въ такомъ случаѣ не будемъ ему больше напоминать о его сумасшествіи,—сказалъ онъ съ самодовольнымъ видомъ.—Быть можетъ, онъ сохранитъ свой разумъ. У него всегда было его такъ мало, что онъ необходимъ ему весь цѣликомъ.

Домашнее испытаніе ¹⁾.

Ларсъ Гуннарсонъ былъ очень доволенъ, что ему пришла въ голову мысль отнять отъ Яна изъ Скрулюкка палку и кожаную шапку. Казалось, будто Янъ сразу тогда же выльчился отъ своего безумія.

Недѣли двѣ спустя послѣ аукціона въ Бергвикѣ должно было происходить домашнее испытаніе въ Фалла. Въ назначенный день туда собрался народъ со всей мѣстности вокругъ Дювшѣ. Пришли туда также и Янъ съ Катринпой. И подумать только, Янъ держалъ себя такъ, что нельзя было и заподозрѣть, что въ головѣ у него не все обстоитъ благополучно!

Всѣ скамьи и стулья, какіе только нашлись въ Фалла, были внесены въ большую горницу въ нижнемъ этажѣ. На нихъ тѣсными рядами усѣлись всѣ, явившіеся на испытаніе, а среди нихъ и Янъ, который на этотъ разъ вовсе не стремился пробраться впередъ на лучшія мѣста, а сидѣлъ тамъ, гдѣ ему и подобало сидѣть. Ларсъ не сводилъ съ него глазъ и долженъ былъ признать, что отъ безумія Яна не осталось и слѣда. Янъ держалъ себя совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе.

Онъ сидѣлъ тихо и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а когда кто-нибудь здоровался съ нимъ, онъ отвѣчалъ только кивкомъ головы. Впрочемъ, его особенную молчаливость можно было объяснить тѣмъ, что онъ не хотѣлъ нарушать благоговѣйнаго настроенія, царившаго на испытаніи.

Прежде чѣмъ началось испытаніе, всѣхъ переписали. Когда дошла очередь до Яна Андерсона изъ Скрулюкка, онъ отвѣтилъ безъ запинки, словно императора Юганнеса Португальскаго никогда и не существовало.

Священникъ сидѣлъ за столомъ въ верхнемъ концѣ горницы за громадной книгой, въ которой были записаны всѣ, подвергавшіеся домашнему испытанію. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Ларсъ Гуннарсонъ и давалъ ему свѣдѣнія относительно тѣхъ изъ прихожанъ, которые перевелись въ другіе приходы или вступили въ бракъ.

¹⁾ Въ Швеціи деревенскіе священники разъ въ годъ устраиваютъ вѣчто вродѣ экзамена всѣмъ своимъ прихожанамъ. Экзаменъ этотъ происходитъ обыкновенно въ одной изъ большихъ избъ богатаго крестьянина и состоитъ въ томъ, что священникъ провѣряетъ познанія прихожанъ въ грамотѣ и, главнымъ образомъ, въ священной исторіи и катехизисѣ. При этихъ „домашнихъ испытаніяхъ“ священникъ наставляетъ своихъ прихожанъ и посвящаетъ имъ священное писаніе. Тѣмъ, кто проявляетъ неудовлетворительныя познанія, онъ задаетъ „урокъ“ и спрашиваетъ его черезъ годъ на слѣдующемъ испытаніи.

Когда священникъ услышалъ ясный и опредѣленный отвѣтъ Яна, онъ обратился къ Ларсу и сказалъ ему что-то вполголоса. Всѣ это замѣтили.

— Да, оказалось, что это не было такъ серьезно, какъ мы это думали,—отвѣтилъ Ларсъ.—Дѣло въ томъ, что я разомъ выльчилъ его отъ болѣзни. Теперь онъ каждый день работаетъ въ Фалла, какъ и прежде.

Ларсъ не считъ нужнымъ понизить голосъ, какъ это сдѣлалъ священникъ. Всѣ поняли, о комъ онъ говорилъ, и многіе повернули головы и посмотрѣли на Яна. Но Янъ сидѣлъ совершенно спокойно и невозмутимо, будто ничего не слышалъ.

Началось испытаніе. Очередь дошла до одного юноши, который дрожалъ отъ волненія. Священникъ велѣлъ ему прочесть пятую заповѣдь.

Священникъ не случайно выбралъ именно эту заповѣдь. Сидя въ просторной, хорошо прибранной старой горницѣ съ придѣланными къ стѣнамъ скамьями, съ явными признаками благосостоянія, онъ вдругъ почувствовалъ потребность напомнить людямъ, какъ хорошо живется тому, кто поддерживаетъ свой родъ, одно поколѣніе за другимъ, и даетъ управлять старымъ, пока тѣ въ силахъ работать, а потомъ чтеть и бережетъ ихъ въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которыя имъ осталось прожить.

Онъ только что началъ пояснять обѣтъ, данный Богомъ тѣмъ, кто чтитъ отца и мать, какъ вдругъ Янъ изъ Скрулюкка поднялся съ своего мѣста.

— Тамъ кто-то стоитъ за дверью и не смѣетъ войти, — сказалъ онъ.

— Бѣрье, вы сидите ближе всѣхъ къ двери, такъ посмотрите, кто тамъ,—попросилъ священникъ.

Бѣрье всталъ, отворилъ дверь и заглянулъ въ сѣни.

— Тамъ никого нѣтъ,—сказалъ онъ,—Янъ ошибся.

Священникъ продолжалъ развивать передъ слушателями свою мысль. Онъ сказалъ, что эта заповѣдь не столько приказаніе, сколько хорошій совѣтъ, которому необходимо слѣдовать, если только хочешь, чтобы тебѣ жилось хорошо на землѣ. Самъ онъ еще молодъ, сказалъ онъ, но столько-то онъ успѣлъ уже наблюдать, что пренебрежительное отношеніе къ родителямъ и къ ихъ волѣ обязательно ложится въ основу всѣхъ несчастій и неудачъ въ жизни человѣка.

Въ то время какъ священникъ говорилъ, Янъ нѣсколько разъ поворачивалъ голову къ двери. Онъ дѣлалъ знаки Катриннѣ, сидѣвшей съ краю и ближе къ двери, чтобы она отворила дверь.

Катринна долго не обращала вниманія на его знаки, но, наконецъ, она послушалась, такъ какъ боялась вызвать его раздраженіе. Когда она отворила дверь, то и она, такъ же какъ и Бёрье, никого не увидала. Она отрицательно покачала головой Яну и снова сѣла на свое мѣсто.

Священникъ не обратилъ вниманія на то, что Катринна вставала, и продолжалъ говорить. Къ великому удовольствію всѣхъ тѣхъ, кто должны были подвергнуться испытанію, онъ почти совсѣмъ забылъ задавать вопросы и увлекся изложеніемъ всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ мыслей, которыя нахлынули на него.

— Подумайте,—сказалъ онъ,—какъ хорошо и мудро все устроено! Какая для насъ отрада въ томъ, что наши милые старики находятся у насъ дома! Какое наслажденіе для насъ быть поддержкой тѣмъ, кто помогали намъ, когда мы были безсильны; какая радость для насъ украшать и облегчать жизнь для тѣхъ, кто, можетъ быть, мерзли и голодали ради насъ. Для молодой супружеской четы настоящее благословеніе, когда у нихъ въ домѣ есть старій отецъ или старая мать, которыхъ можно сдѣлать счастливыми на склонѣ ихъ жизни...

При этихъ словахъ священника въ противоположномъ углу горницы раздались сдерживаемыя рыданія. Ларсъ Гуннарсонъ, сидѣвшій все время съ набожно склоненной головой, тотчасъ же всталъ. Онъ на цыпочкахъ прошелъ черезъ горницу, чтобы не помѣшать священнику, обнялъ за талію свою тещу и подвелъ ее къ столу, за которымъ сидѣлъ священникъ. Усадивъ ее на свое мѣсто, онъ сталъ позади нея съ нѣжно устремленнымъ на нее взглядомъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ своей женѣ, и та также подошла къ матери и стала по другую ея сторону. Это была очень трогательная картина. Всѣ поняли, что Ларсъ хотѣлъ показать, что у него въ семьѣ было именно такъ, какъ этого хотѣлъ священникъ.

Священникъ посмотрѣлъ на старую мать и ея дѣтей, и лицо его просіяло отъ чувства удовлетворенія. Единственно, что нѣсколько нарушало его настроеніе, такъ это то, что старуха продолжала заливаться горячими слезами. До сихъ поръ ему никогда еще не приходилось до такой степени растрогивать кого-нибудь изъ своей паствы.

— Да,—продолжалъ священникъ,—исполнять пятую заповѣдь не трудно, пока мы молоды и должны повиноваться, но зато потомъ это гораздо труднѣе. Когда мы становимся зрѣлыми и находимъ, что сами достаточно умны...

Тутъ священнику снова помѣшалъ Янъ. Онъ наконецъ самъ пробрался къ двери и отворилъ ее.

Янъ побезпокоился не напрасно, какъ другіе. Слышно было, какъ онъ поздоровался съ кѣмъ-то, стоявшимъ въ сѣняхъ.

Всѣ повернули головы съ двери, чтобы увидать того, кто все время стоялъ въ сѣняхъ, не рѣшаясь войти въ горницу. Слышно было, какъ Янъ упрасивалъ кого-то войти и даже распахнулъ дверь настежь. Но, повидимому, человѣкъ, стоявшій въ сѣняхъ, отказывался войти. Наконецъ, Янъ затворилъ дверь и вернулся въ горницу одинъ. Однако онъ не сѣлъ на свое мѣсто, а протолкался къ столу, за которымъ сидѣлъ священникъ.

— Ну, Янъ,—сказалъ священникъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—узнаемъ мы наконецъ, кто намъ мѣшалъ весь вечеръ?

— Это былъ здѣшній старый хозяинъ изъ Фалла, онъ стоялъ тамъ въ сѣняхъ,—объявилъ Янъ, не проявляя ни малѣйшаго удивленія или волненія по поводу своего страннаго сообщенія.— Онъ ни за что не хотѣлъ войти сюда, но онъ просилъ меня кланяться Ларсу и сказать ему, чтобы онъ берегся въ первое воскресенье послѣ Иванова дня.

Въ первое мгновеніе лишь немногіе поняли весь смыслъ этихъ словъ. Сидѣвшіе сзади даже не разслышали словъ, но, увидя, что священника всего передернуло, они поняли, что Янъ сказалъ что-то ужасное. Многіе встали со своихъ мѣстъ, пробрались впередъ и спрашивали, отъ кого Янъ передалъ поклонъ.

— Янъ,—воскликнулъ священникъ строго.—Сознаешь ли ты, что говоришь?

— Конечно,—отвѣтилъ Янъ, утвердительно кивая священнику головой.—Я все время слышалъ, что за дверью кто-то стоитъ. Я просилъ его войти, но онъ не хотѣлъ, и какъ только онъ передалъ поклонъ моему зятю, онъ сейчасъ же ушелъ. Скажи ему,—сказалъ онъ,—что я не желаю ему зла за то, что онъ заставилъ меня пролежать въ снѣгу въ ужасномъ положеніи и не помогъ мнѣ во время. Но пятая заповѣдь очень строгая. Кланяйся ему отъ меня и скажи, чтобы онъ поскорѣе раскаялся и признался въ своемъ грѣхѣ! У него еще достаточно времени до перваго воскресенья послѣ Иванова дня.

Янъ говорилъ такъ здраво и такъ ясно передалъ странное порученіе, что въ первое мгновеніе и священникъ, и всѣ присутствующіе повѣрили, что Эрикъ изъ Фалла дѣйствительно стоялъ у дверей своего дома и разговаривалъ съ Яномъ. Взоры всѣхъ были устремлены на Ларса Гуннарсона, всѣмъ хотѣлось увидѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на него слова Яна.

Ларсъ размѣялся.

— А я то думаль, что Янъ теперь въ своемъ умѣ,—сказаль онъ.—Если бы я зналь, что это не такъ, я не пустиль бы его на испытаніе. Прошу васъ, пасторъ, извинить за безпокойство. У него снова начался припадокъ безумія.

— Да, разумѣется!—сказаль священникъ, и онъ съ облегченіемъ провелъ рукой по лбу. Онъ чуть было не повѣрилъ, что случилось нѣчто сверхъестественное. Какъ хорошо, что все это было лишь бредомъ сумасшедшаго!

— Дѣло, видите ли, въ томъ, пасторъ, что Янъ не очень-то любить меня,—продолжалъ Ларсъ пояснять. — Вотъ онъ и проявляетъ это по-своему, разъ у него нѣтъ разума. Надо сознаться, что если ужъ очень строго смотрѣть на это, такъ, пожалуй, я виноватъ въ томъ, что его дочери пришлось идти въ люди, чтобы выслужить деньги. Этого-то онъ и не можетъ простить мнѣ.

Священникъ какъ будто немного удивился горячему тону, которымъ говорилъ Ларсъ. Онъ пристально посмотрѣль на Ларса своими глубокими глазами. Ларсъ не встрѣтился съ его взглядомъ и посмотрѣль въ сторону. Однако онъ сейчасъ же поймалъ себя на этомъ и сдѣлалъ попытку взглянуть священнику въ лицо, но тщетно, и снова отвернулся, причемъ у него вырвалось проклятіе.

— Ларсъ Гуннарсонъ! — воскликнулъ священникъ. — Что съ вами?

Ларсъ тотчасъ же опомнился.

— Неужели же мнѣ нельзя отдѣлаться отъ этого юродиваго?—сказаль онъ съ раздраженіемъ, словно выругался не онъ самъ, а Янъ.—Вотъ и вы, пасторъ, и всѣ мои сосѣди смотрите сейчасъ на меня, какъ на какого-то убійцу. И все это только изъ-за того, что этотъ сумасшедшій уже давно имѣетъ зубъ на меня! Повторяю, онъ золь на меня изъ-за своей дочери. А я не зналь, что она уѣдетъ и попадетъ въ несчастье. Я только хотѣль, чтобы мнѣ уплатили то, что мнѣ причиталось. Неужели здѣсь не найдется никого, кто увель бы Яна, чтобы мы могли продолжать?

Священникъ снова провелъ рукой по лбу. На сердце его легла кака-то тяжесть при словахъ Ларса. Но онъ не могъ сказать ему ничего въ его осужденіе, разъ онъ ничего не зналь навѣрное. Онъ осмотрѣлся кругомъ, ища взглядомъ старую хозяйку, но она уже исчезла. Тогда онъ перевелъ взглядъ на собраніе, но и тутъ онъ не получилъ никакого разъясненія. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что каждый изъ присутствовавшихъ на испытаніи зналь, виновенъ Янъ или нѣтъ. Но когда священникъ посмотрѣль на

нихъ, то всё лица какъ бы замкнулись и потеряли всякое выраженіе. Катринна подошла къ Яну и взяла его подъ руку. Они уже направились къ выходу, но этому сумасшедшему священникъ во всякомъ случаѣ не хотѣлъ учинять допроса.

— Я думаю, что на сегодня довольно,—сказалъ священникъ.— Прочтите заключительную молитву.

Онъ прочелъ короткую молитву, послѣ которой всё пропѣли псаломъ и затѣмъ стали понемногу расходиться.

Священникъ вышелъ послѣднимъ. Ларсъ пошелъ проводить его до калитки и самъ заговорилъ съ нимъ о томъ, что только что произошло.

— Вы замѣтили, пасторъ, что я долженъ беречься перваго воскресенья послѣ Иванова дня?—спросилъ онъ.—Вотъ это-то и доказываетъ, что Янъ думалъ о своей дочери. Это было какъ разъ въ первое воскресенье послѣ Иванова дня въ прошломъ году... въ этотъ день я былъ у Яна, чтобы договориться съ нимъ относительно его избы.

На душѣ у священника становилось все тяжелѣе отъ всѣхъ этихъ поясненій. Онъ вдругъ положилъ свою руку на плечо Ларса Гуннарсона и попытался заглянуть ему въ глаза.

— Ларсъ Гуннарсонъ!—сказалъ онъ горячо и убѣдительно.— Я не судья. Но не забывайте, что если у васъ есть что-нибудь на совѣсти, то вы всегда можете прійти ко мнѣ. Я жду васъ, Ларсъ Гуннарсонъ, каждый день. Но смотрите, чтобы это не было слишкомъ поздно!

Старый колдунъ.

Наступила вторая зима съ тѣхъ поръ, какъ изъ Скрулюкка уѣхала маленькая дѣвочка. Зима эта была очень холодная и суровая. Въ концѣ января долго стояли трескучіе морозы. Чтобы какъ-нибудь защититься отъ стужи, обитатели Аскедаларна накидывали вокругъ своихъ избушекъ снѣгъ, а хлѣва имъ приходилось каждую ночь покрывать соломой, иначе коровы могли бы замерзнуть.

Было такъ холодно, что хлѣбъ мерзъ и сыръ мерзъ, даже масло превращалось въ кусокъ льда. Въ самый разгаръ морозовъ казалось даже, что и огонь потерялъ способность распространять тепло. Какой бы ни разложить костеръ на очагѣ, тепло распространялось только до края очага.

Однажды, когда морозъ былъ особенно лютый, Янъ не пошелъ на работу, а остался дома и помогать Катриннѣ поддерживать

огонь. Ни онъ, ни Катринна не рѣшались съ самаго утра выйти на дворъ. И чѣмъ дольше они сидѣли дома, тѣмъ больше они мерзли. Когда около пяти часовъ начало смеркаться, Катринна сказала, что лучше всего будетъ поскорѣе улечься въ постель. Зачѣмъ сидѣть напрасно и только мучиться отъ холода.

Янъ нѣсколько разъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ на дворъ въ маленькій уголокъ стекла, который оставался чистымъ отъ инея. Теперь онъ снова подошелъ къ окну.

— Ложись, если хочешь, милая Катринна,—сказалъ онъ, глядя въ уголокъ окна,—а я посижу еще немного.

— Такъ я и знала!—воскликнула Катринна.—Чего ты будешь сидѣть? Почему бы тебѣ не лечь?

Янъ не отвѣтилъ на это ничего и только сказалъ:

— Странно, что я не видѣлъ, какъ Агриппа Престбергъ проходилъ здѣсь мимо на обратномъ пути.

— Ужъ не его ли ты поджидаешь? Мнѣ кажется, что онъ всегда такъ дурно относился къ тебѣ, что тебѣ незачѣмъ сидѣть тутъ и мерзнуть изъ-за него.

Янъ махнулъ рукой. Изъ всѣхъ тѣхъ манеръ, которыя онъ приобрѣлъ во время своего „царствованія“, остался только этотъ жестъ рукой, отъ котораго онъ не могъ совсѣмъ отвыкнуть. Онъ сказалъ Катриннѣ, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Престбергъ зашелъ къ нимъ, но дѣло въ томъ, что его пригласили на пьяную пирушку къ рыбакамъ въ Аскедаларна, и вотъ Янъ удивлялся, почему онъ до сихъ поръ не проходилъ мимо нихъ на возвратномъ пути съ этой пирушки.

— Ну, надо думать, что настолько-то у него хватило ума, что онъ просто не пошелъ на пирушку,—замѣтила Катринна.

Морозъ все крѣпчалъ по мѣрѣ приближенія вечера. Въ углахъ избы потрескивало, словно морозъ стучался въ избу и просилъ впустить его. Деревья и кусты покрылись толстой шубой изъ снѣга и инея и совершенно потеряли обычныя очертанія, но вѣдь и имъ приходилось укутываться во все, что было имъ доступно, чтобы защититься отъ мороза.

Немного спустя Катринна опять сказала:

— Я вижу, что теперь всего только половина шестого, но я все-таки поставлю кашу на огонь и справлю ужинъ. А ты можешь потомъ или ложиться, или сидѣть и ждать Престберга, какъ тебѣ вздумается.

Янъ все время сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ кусочекъ непокрытаго инеемъ стекла.

— Не могу себѣ представить, чтобы я не замѣтилъ, когда онъ проходилъ здѣсь мимо,—сказалъ онъ какъ бы про себя.

— Не все ли тебѣ равно, проходилъ такой человекъ, какъ Престбергъ, или нѣтъ?—замѣтила Катринна недовольнымъ тономъ. Ей надобно слушать, какъ Янъ говоритъ объ этомъ бродягѣ.

Янъ тяжело вздохнулъ. Катринна была гораздо болѣе права, говоря такъ, чѣмъ она сама это сознавала. Яну, дѣйствительно, не было никакого дѣла до стараго Греппы, и ему было все равно, прошелъ онъ или не проходилъ еще мимо его избы. Съ его стороны вся эта исторія съ Престбергомъ была только предложемъ, чтобы стоять у окна и смотрѣть на дворъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Ларсъ Гуншарсонъ отнялъ отъ него могущество и власть, лишивъ его императорскихъ знаковь отличія, онъ не получилъ ни одной вѣсточки отъ великой императрицы, отъ маленькой дѣвочки изъ Скрулюкка. Янъ зналъ, что онъ лишился знаковь отличія не безъ ея согласія на это. Изъ этого онъ вывелъ, что въ чемъ-нибудь провинился передъ ней. Но въ чемъ именно онъ провинился, этого онъ никакъ не могъ выяснитъ себѣ. Онъ мучительно думалъ надъ этимъ вопросомъ въ долгіе зимніе вечера и въ темныя долгія утра, когда молотилъ на ригѣ въ Фалла, и въ короткіе дни, когда возилъ изъ лѣса дрова.

Вѣдь не могло же ей не понравиться, какъ онъ держалъ себя въ положеніи императора. Все шло такъ гладко и прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. И что это было за время! Никогда онъ не мечталъ даже о томъ, что ему придется пережить что-либо подобное. Но не могла же Клара-Гулла имѣть что-нибудь противъ этого.

Нѣтъ, скорѣе онъ сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь такое, что ей не понравилось. За это она и наложила на него наказаніе.

Но неужели же она такая злопамятная? Неужели она никогда не проститъ его? Если бы она хоть шепнула, за что она гнѣвается на него. Онъ готовъ безропотно покориться всему, лишь бы заслужитъ ея прощеніе. Вѣдь онъ снова надѣлъ на себя рабочее платье и пошелъ на поденщину, какъ только она дала ему понять, что желаетъ этого.

Онъ не хотѣлъ говорить о своихъ мученіяхъ ни съ Катринной, ни со своимъ другомъ Ола. Онъ рѣшилъ быть терпѣливымъ и ждать какого-нибудь знака отъ Клары. Иногда ему казалось, что знакъ этотъ уже близокъ, что ему стоитъ только протянуть руку за нимъ.

Какъ разъ сегодня, когда онъ весь день просидѣлъ дома, онъ особенно ясно чувствовалъ, что къ нему должна прійти вѣсть отъ Клары. Вотъ этого-то онъ и поджидалъ, стоя у окна и глядя на дворъ въ кусочекъ непокрытаго инеемъ стекла. На душѣ у него было очень тяжело, и ему казалось, что если скоро не будетъ вѣсточки отъ Клары, то онъ не выдержитъ и умретъ.

Сумерки сгущались все больше и больше, и онъ едва могъ различить калитку, дальше ничего не было видно. Итакъ, на этотъ день всѣ его надежды рушились. Онъ не возражалъ больше Катриннѣ на ея совѣтъ пораньше лечь спать. Она разогрѣла кашу, они поужинали и улеглись спать въ началѣ седьмого часа.

Они заснули тотчасъ же, но долго спать имъ не пришлось. Большіе далекарлійскіе часы показывали не болѣе половины седьмого, какъ Янъ вскочилъ съ постели. Онъ поспѣшилъ подложить дровъ на очагъ, который еще не совсѣмъ погасъ, и началъ быстро одѣваться.

Онъ старался не шумѣть, чтобы не разбудить Катрины, но она всетаки проснулась. Она сѣла въ постели и спросила, не настало ли уже утро.

Нѣтъ, до утра еще далеко. Но дѣло въ томъ, что маленькая дѣвочка позвала его во снѣ и приказала ему итти въ лѣсъ.

Теперь настала очередь Катрины тяжело вздохнуть. Она рѣшила, что на Яна снова нашло умопомраченіе. Она ждала этого каждый день за послѣднее время, потому что Янъ былъ очень удрученъ и, видимо, тосковалъ.

Она не пыталась даже уговаривать его остаться дома, она знала, что это будетъ бесполезно. Она молча встала съ постели и начала одѣваться.

— Подожди немного,—сказала она, увидя, что Янъ стоитъ уже у двери и собирается выйти.—Если ужъ ты рѣшилъ во что бы то ни стало итти ночью въ лѣсъ, то и я пойду съ тобой.

Она ожидала, что Янъ будетъ уговаривать ее остаться, но онъ не промолвилъ ни слова, а остановился у двери и сталъ ждать ее. Видно было, что онъ очень спѣшилъ, но въ то же время онъ казался теперь гораздо болѣе спокойнымъ и рассудительнымъ, чѣмъ днемъ.

Да, въ этотъ вечеръ было не очень-то пріятно гулять. Когда Янъ и Катринна вышли на дворъ, имъ показалось, что они прикоснулись лицомъ къ стѣнѣ, покрытой осколками стекла, которые больно кололи и царапали кожу. Казалось, будто морозъ готовъ оторвать носъ, концы пальцевъ немилосердно жгло, ноги

сразу кочепѣли и дѣлались безчувственными, точно ихъ вовсе не было.

Но Янъ не жаловался на морозъ и Катринна также. Они шли молча впередъ. Янъ свернулъ на зимній путь черезъ гору, на тотъ самый, по которому онъ несъ когда-то маленькую Клару въ церковь на раннюю рождественскую обѣдню.

Небо было ясное, на западѣ сверкала узкій серпъ луны и было довольно свѣтло. Но всетаки очень трудно было держаться дороги, такъ какъ все было бѣлое. Нѣсколько разъ Янъ и Катринна заходили слишкомъ далеко въ сторону и проваливались въ сугробахъ.

Какъ бы то ни было, но они подвигались впередъ и дошли, наконецъ, до большого камня, которымъ великанъ хотѣлъ швырнуть въ церковь въ Свартшѣ. Янъ прошелъ уже мимо камня, какъ вдругъ Катринна, слѣдовавшая за нимъ, вскрикнула.

— Янъ,—позвала она. Въ ея голосѣ слышался такой же испугъ, какъ въ тотъ достопамятный день, когда къ нимъ пришелъ Ларсъ, чтобы отнять у нихъ избу.—Янъ,—крикнула она опять,—развѣ ты не видишь, что здѣсь кто-то сидитъ?

Янъ повернулся и пошелъ къ ней назадъ. Когда онъ приблизился къ камню, то оба они чуть было не пустились бѣжать,—такъ они испугались. Дѣйствительно, на свѣгу, прислонившись къ камню, сидѣлъ большой старый колдунъ, почти совсѣмъ покрытый снѣгомъ и икеемъ. У него была большая щетинистая борода и носъ, напоминавшій клювъ громадной птицы.

Онъ сидѣлъ неподвижно, и можно было подумать, что онъ такъ ооченѣлъ отъ мороза, что у него нехватило силъ забраться къ себѣ въ свою нору подъ камнемъ.

— Подумать только, что на свѣтѣ всетаки существуетъ такая нечисть,—воскликнула Катринна.—А я-то не вѣрила этому, сколько бы мнѣ о нихъ ни говорили.

Однако, Янъ, овладѣвшій собой послѣ испуга раньше Катринны, сообразилъ, кого они видятъ передъ собой.

— Да вѣдь это вовсе не колдунъ, Катринна,—сказала онъ.—Это Агриппа Престбергъ.

— Что ты говоришь?—воскликнула Катринна.—А, впрочемъ, онъ такой уродъ, что его легко принять за кого угодно.

— Онъ съѣлъ здѣсь отдохнуть да и заснулъ. Ужъ не умеръ ли онъ?

Они начали звать старика по имени и расталкивать его, но онъ продолжалъ сидѣть неподвижно и не подавалъ признаковъ жизни.

— Бѣги скорѣе за санками, намъ придется свезти его домой,—сказалъ Янъ.—А я пока буду растирать его снѣгомъ, авось, мнѣ удастся разбудить его.

— Лишь бы ты самъ не замерзъ тутъ вмѣстѣ съ нимъ!

— Милая Катринна,—возразилъ Янъ,—мнѣ давнымъ-давно уже не было такъ тепло, какъ сегодня. Маленькая дѣвочка сдѣлала меня такимъ счастливымъ. Ну развѣ это не благородно съ ея стороны послать насъ въ лѣсъ, чтобы спасти жизнь человеку, который распространялъ о ней такъ много всякой лжи?

Недѣли двѣ спустя, когда Янъ возвращался съ работы домой, онъ повстрѣчался на дорогѣ съ Агриппой Престбергъ.

— Слава Богу, я опять здоровъ,—сказалъ Гренпа.—Но я хорошо понимаю, что если бы ты и Катринна не пришли ко мнѣ на помощь, то Иоханнъ-Уттеръ-Агриппа Престбергъ приказалъ бы долго жить, и отъ него не много осталось бы. А потому я рѣшилъ отплатить вамъ услугой за услугу.

— Не стоитъ объ этомъ думать, милый мой Агриппа Престбергъ,—отвѣтилъ Янъ, махнувъ рукой.

— Нѣтъ, ты лучше подожди, лучше послушай меня,—сказалъ Престбергъ.—Разъ я сказалъ, что рѣшилъ отплатить вамъ за услугу, то это не пустая болтовня. И то, что я рѣшилъ, я и исполнилъ. На этихъ дняхъ я повстрѣчался съ тѣмъ самымъ купцомъ, который подарилъ вашей дочкѣ красное платье.

— Съ кѣмъ?—спросилъ Янъ съ такимъ волненіемъ, что у него перехватило духъ и онъ сталъ задыхаться.

— Да съ тѣмъ купцомъ, который подарилъ дѣвочкѣ красное платье и который потомъ устроилъ такъ, что она попала въ бѣду въ Стокгольмѣ. Во-первыхъ, я задалъ ему такую здоровую трепку, какую онъ только былъ способенъ перенести,—это за вашу счетъ,—а во-вторыхъ, я ему сказалъ, что онъ получитъ такую же трепку, если только ему вздумается появиться здѣсь еще разъ.

Янъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Но что онъ сказалъ? Вы не спросили его о Кларѣ? Онъ не передавалъ вамъ поклона отъ нея?

— Что же ему было говорить? Онъ принялъ отъ меня то, что ему полагалось, и промолчалъ. Такъ вотъ я отплатилъ вамъ добромъ за добро, такъ что теперь мы квиты. Иоханнъ-Уттеръ-Агриппа Престбергъ не желаетъ имѣть никакихъ долговъ.

Сказавъ это, Агриппа пошелъ дальше, а Янъ застылъ на дорогѣ и не двигался съ мѣста. Наконецъ, у него вырвался гром-

кій стонъ. Дѣвочка, дѣвочка! Она, должно быть, послала ему вѣсточку. Этотъ купецъ долженъ былъ, навѣрное, передать отъ нея привѣтъ. Но Янъ ничего уже не узнаетъ больше. Агриппа выгналъ купца отсюда.

Янъ ломалъ руки въ отчаяніи. Онъ не плакалъ, но все его тѣло ныло и болѣло, точно онъ былъ тяжело боленъ.

Теперь онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Клара-Гулла хотѣла, чтобы Престбергъ, который вѣчно бродилъ по дорогамъ, повстрѣчался съ купцомъ, принялъ бы отъ нея вѣсточку и передалъ ее Яну. Но съ Престбергомъ дѣло обстояло, какъ съ настоящимъ колдуномъ,—отъ его услугъ всегда выходилъ только вредъ.

Перев. М. П. Благовѣщенская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)